

Шесть часов утра

Мата Лада и Павел Гушинец

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Гушинец
Шесть часов утра

«Автор»

2023

Гушинец П.

Шесть часов утра / П. Гушинец — «Автор», 2023

В больницах и на станциях скорой помощи шесть часов утра – это самое сложное время. После ночной смены нет сил думать, двигаться, принимать решения. До восьми часов, когда придёт дневная смена, ещё долго, а поток пациентов не иссякает. Или, наоборот, наконец-то этот поток останавливается и есть время на минуту присесть, положить усталую, гудящую голову на руки, прикрыть глаза. Но снова трезвонит телефон, и нужно заставить себя встать и идти на помощь. «Шесть часов утра» – это шестой сборник медицинской серии авторов. Реальные случаи из практики белорусских врачей различных специальностей, тревожные ночи скорой уральского города. Юмор и драма медицинских ночей. Ночей, после которых неизменно наступает шесть часов утра.

© Гушинец П., 2023

© Автор, 2023

Содержание

БЛАГОДАРНОСТИ	8
Павел Гушинец.	10
НА ОКРАИНЕ МЕДИЦИНЫ	10
Шесть часов утра	10
За рекой	13
Салон красоты	16
Еще один день	19
Автобус	22
Ничего святого	25
Истории из-под микроскопа	27
Перевод	29
Познание истины	30
Разница поколений	32
Смена ролей	35
Это просто праздник какой-то	37
Эпидемия	40
ОФИСНЫЕ ИСТОРИИ	43
Казусы отечественного коучинга	43
Мы ценим каждого работника	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Павел Гушинец, Mama Lada

Шесть часов утра

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Соавторство писателей – гораздо более редкое явление, чем удачный брак. Если у вас любовь, ипотека и трое детей, это вовсе не повод для столь близких отношений, чтоб доверить дописать главу этому подозрительному графоману с жалкими проблесками таланта. Обсуждение шляпы главного героя могут довести до развода, тяжких телесных повреждений и запоя в отдельно взятой литературной ячейке.

Найти соавтора – это проблема, потому что каждый отдельно взятый писатель – гений. А если два гения собрались вместе, то тут же начнется выяснение, кто из них гениальнее. Про тяжкие телесные помните? Вот то-то и оно.

А если книга, не дай бог, получилась и стала популярной? Как поделить мировую славу?

– Эй, я двадцать глав написал, а ты только десять, значит, две трети Пулитцеровской премии – мои!

– А вот хрен тебе, дорогой соавтор! Мы премию только за мои главы и получили, а ты так, рядом постоял! А если наоборот, книга не получилась? Кто виноват?

Пьер Сувестр и Марсель Аллен, создатели детективной серии про Фантомаса, особо не задумываясь, перекладывали вину за неудачные места друг на друга. Корреспонденты в многочисленных интервью спрашивали их:

– Мсье, но вот тут, в пятой главе седьмой книги, явный же косяк. Ляп на ляпе.

И один из мэтров пожимал плечами:

– Я говорил этому дилетанту Пьеру (Марселю), но разве он меня слушает?

Писатели – они странные. Стивен Кинг однажды вообще за Ричарда Бахмана спрятался и всем оттуда фиги показывал. Как такого очкарика в соавторы звать?

Похоронит вместе с домашними животными и скажет, что так и было.

Первый соавтор появился у меня в десятом классе. Я к тому времени уже года три писал фантастические романы и мистические рассказы, однажды меня даже опубликовали в местной районной газете, поэтому я считал себя как максимум опытным автором, а как минимум – вторым воплощением Айзека Азимова. Шестнадцатилетние писатели бывают самонадеянными. Впрочем, шестидесятилетние тоже.

Ко мне пришел мой одноклассник Андрей и с порога заявил:

– Я тут придумал офигительный сюжет. Короче, парень попадает из нашего современного мира в этакое сказочное средневековье с драконами и волшебниками. Тут он лох какой-то, а там становится крутым. В него влюбляется симпатичная деваха, и он там чего-то геройствует, всех побеждает. Офигительно, правда?

Понятие «попаданцы» тогда еще не существовало, идея показалась свежей, и мы засели за написание своих частей. Я создавал жизнь главного героя в нашем мире, Андрей взялся за первую главу после прохождения «окна» в мир сказочный.

Не мудрствуя лукаво, я довел героя до истерики. Его бросила девушка, признавшись, что встречалась с ним только из-за спора с подружкой. Потом избил гопники. Потом герой пришел домой и получил трюндюлей от родителей-алкоголиков. С гопниками получилось неплохо, я тогда всю отстаивал независимость и тусовался с плохой компанией. Но если бы моя интеллигентная мама, учитель сольфеджио и пианистка, прочитала про родителей-алкоголиков, то поволокла бы меня к психологу. А бумага стерпит все.

Перечитав написанное и от избытка чувств всхлипнув носом, я побежал к Андрею. Соавтор лежал на диване, уставившись в потолок. Кассетный магнитофон «Карпаты» выдавал что-

то из раннего «Морбид Энджел». На подносике были чай и плюшки, принесенные заботливой мамой-кондитером. Соавтор настраивался.

– Написал? – задыхаясь, спросил я.

– Да, немного написал, – неохотно ответил будущий гений и протянул мне два исчерканных шариковой ручкой листка.

Так. Герой оказывается ночью на старом поле битвы. Бегает и орет среди груд костей и разбитых колесниц, спотыкаясь о ржавые двуручные мечи и переругиваясь с падальщиками. Неплохо, но почему так мало? Кроме того, у меня в начальных главах он – нюня, ботан и истерик. А тут – схватил какую-то бедренную кость неизвестного науке бронтозавра и разгоняет «красные светящиеся огоньки глаз». Нестыковочка.

– Андрей, у нас у героя характер разный. Можно, конечно, списать на шок от перемещения, но...

– Тебе надо, ты и переделывай, – отозвался соавтор, с обидой отворачиваясь к стене.

Я забрали листики и умчался к себе. Так. Нюня и историк – значит, к черту кость бронтозавра. И герой, подобрав испачканные, местами мокрые штаны, улепетывает от «красных огоньков глаз». Красные глаза с воем бросаются за добычей. Им надоело догрызать на поле битвы старые кости, а тут какое-никакое свежее мясо. Герой бежит метров сто, падая в ямы и разбивая локти об остатки боевых колесниц, потом ныряет в реку, находит брошенный кем-то челнок и плывет.

На следующее утро я снова побежал к Андрею.

– Написал что-нибудь?

– Мы с тобой неправильно дело начали, – ответил соавтор, дожевывая приготовленный мамой пирог. – Мы же решили, что другой мир будет сказочный, на основе славянской мифологии. А значит, нужно поехать в деревню, поговорить со стариками, записать, как они разговаривают.

– Как же мы поедem? Завтра же в школу, – расстроился я.

– Я тебе идею придумал, а ты ищи выход, – наставительно сказал Андрей.

Так, идея и в самом деле неплохая. Сказка языком подростков середины девяностых – хрень какая-то. С гопниками прокатило, но как князь или тиун в романе разговаривать будут? «Слышь, боярин, окстить? Иже херувимы»? Надо настроиться в лингвистическом плане. Я побежал в библиотеку. Взял Сергея Зайцева, Леонида Дайнеку, не удержался и взял Андрэ Нортон, но это к написанию романа отношения не имеет, просто книга понравилась.

Сел писать. Река принесла героя к граду Китежу. Там у него любовь к дочери тиуна, обучение владению мечом у непонятного типа в волчьей шкуре, а потом линейное путешествие на другой конец света с бандой каких-то татей, и вишенкой на торте – Армагеддец, финальная битва добра и зла, где всех друзей героя убивают, его, кстати, тоже, и он просыпается в своем мире.

А! И там должна была скоро наступить зима...

В процессе написания я бегал к Андрею. Соавтор кушал борщ, драники, оладьи, пироги, которые готовила его мама. Планировал поехать в деревню, к старым людям. Давал ценные указания, тыкал в мои листки пальцем, оставляя на нетленных строках жирные отпечатки. Помогал, как мог. Примерно через полгода к идее совместного романа он охладел и с истинной щедростью гения отдал его в мое полное распоряжение.

А я, балбес, увлекся короткой формой, а там и школу закончил, пошел работать в больницу, написал ночью, на дежурстве, рассказ «Я – санитар». Короче, дал рождение проекту DoktorLobanov.

Примерно в 2005 году я вытащил рукопись из заглашника, перечитал, прослезился, как-то рывком роман дописал, обозвал, придумал стихотворение, которое поместил в самом начале.

И снова положил в долгий ящик. Теперь, когда меня спрашивают, есть ли у меня книга о «попаданцах», я с гордостью отвечаю:

– Есть.

Но никому не показываю. Потому что стыдно. А сюжет у меня вообще Джордж Мартин спер. Скоро зима, скоро зима... Старый подлый плагиатор.

Много лет спустя я пытался писать вместе с юной женой. Бегал за ней с рукописью:

– Ты же поэтесса, лингвист, девушка, в конце концов. У меня тут жуть и расчлененка бензопилой. Нужно немного лирики, а то герой какой-то кровожадный получается, без души.

– Про лирику – не буду, – заявляла мне моя красавица. – Хочешь – про бензопилу напишу?

– Про бензопилу я и сам могу, – расстраивался

я. – Мне бы лирику.

Жена обижалась и уходила переводить с итальянского книжки про радужных пони.

Короче, не срослось у меня с соавторами. В смысле совместной работы. Мы, конечно, встречались с другими писателями и даже выпускали совместные книги. На Пикабу, вместе с работником прокуратуры Тимофеем Умновым составили сборник «Сообразим на троих, или Срочно требуется пожарный». То есть Тимофей – 102, я – 103, а для ровного счета нам не хватает пожарного – 101. Незамысловатый юмор.

Сборник, в принципе, получился. Мы спокойно, не трогая друг друга, написали для него свои доли рассказов, и свели это все в единую книгу только редактор и корректоры. Идеальное сотрудничество. Правда, при переиздании книги в Беларуси возникли кое-какие трудности с гражданством соавтора, и редактор безжалостно отрезала его часть. Название получилось странным.

При чем тут «сообразим на троих»? Я же тут один.

Потом были соавторы в военной серии книг. Талантливая девушка Богдана внесла-таки немного лирики в мой сухой мужской слог. Андрей превратил книгу «Война девочки Саши» из документальной в художественно-документальную. А копильский энтузиаст Борис годами собирал материал, который лег в основу сборника «Война за нашими окнами».

Но главный мой соавтор – безусловно, дочь Софья.

Вот уж с кем не поспоришь.

– Папа, не спи! Рассказывай сказку!

– Папа, у меня под кроватью темно и пауки!

– Папа, ты писатель, или кто?

– Папа, расскажи про меня историю!

Муза, шмыгающая носом. Садись и сочини ей новую историю про ее похождения. А потом объясняй корреспондентам, почему серьезный врач и военный писатель вдруг стал писателем детским.

К чему я все это? Дописав в 2021 году сборник «Палата номер пять», я решил было, что пяти книг в медицинской серии вполне достаточно. И я устал, и работа у меня нынче не в палатах пациентов, а скорее в кабинете. Но каждый день мне звонили коллеги-врачи и рассказывали истории из своей практики. А однажды даже притащили целую тетрадь, исписанную аккуратным старушечьим почерком, начало серии рассказов «Тетрадь акушерки».

Как это часто бывает, книга начала писаться сама по себе. И тут на развлекательном ресурсе Пикабу я встретил нового соавтора. Фельдшера скорой помощи под ником MamaLada. И наш новый проект уже не за горами. Я пишу свою часть рассказов – она свою. Книга «Шесть часов утра» совсем близко. Ну, как та зима у Джорджа Мартина.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность всем участникам проекта:

Юлии Владимировне Линейцевой – критику, критику и ещё раз критику;

Софье Павловне Гушинец – за физическое принуждение отца к «написательству» рассказов;

- Погребняку Сергею Александровичу;
- Андрею Николаевичу (Paparuzke) Петрову;
- Ласскому Владиславу Игоревичу;
- Швалеву Евгению Ивановичу;
- Оберляйтеру Владимиру Сергеевичу;
- Ванееву Александру Валентиновичу
- Кириллу Заплесвичко;
- Галиуллину Фариту Тагировичу;
- Пономарёву Виталию Андреевичу;
- Баранову Алексею Ивановичу;
- Крылову Дмитрию Николаевичу;
- Микоше Дмитрию Александровичу;
- Зиновьеву Антону Владимировичу;
- Любимову Анатолию Анатольевичу;
- Шевцову Дмитрию Александровичу;
- Третьяку Анатолию Николаевичу;
- Смирнову Станиславу Юрьевичу;
- Петракову Станиславу Алексеевичу;
- Галиуллину Фариту Тагировичу;
- Григорьеву Андрею Юрьевичу;
- Давлетшину Булату Акрамовичу;
- Лялину Олегу Сергеевичу;
- Наталичу Максиму Сергеевичу;
- Алексею из Ленинградской области;
- Цветкову Михаилу Владимировичу;
- Гапша Игорю Олеговичу;
- Татьяне Наумовой;

Ямщикову Юрию Владимировичу – за поддержку во всём хорошем. В том числе и в создании этой книги;

Старшим врачам ОСМП Грядкиной Анне Вадимовне и Терехову Константину Владимировичу;

- Кутепову Владимиру Павловичу;
- Врачу-травматологу Георгию Васильевичу;
- Сотрудникам клинико-диагностической лаборатории
- Алексею Выдрицкому и Юрию Зелёному;
- Врачу-эндокринологу Ольге Анатольевне;
- Руководителю медицинского центра Наталье Федотовой;
- Врачу-эпидемиологу Елене Евгеньевне;
- Врачу МРТ Сергею Баранову;
- Полковнику м/с Владимиру Гурлеву;
- Акушерке Тамаре Станиславовне Лямишевой;

Сотрудникам немецкого фармацевтического концерна Юлии, Елене и Руслану. А также сеньору Антонио за отличную пиццу.

Сотрудникам издательств «Крафтовая литература» (Россия) и «Четыре четверти» (Беларусь).

Сайту rikabu.ru, всем своим подписчикам.

Павел Гушинец.

НА ОКРАИНЕ МЕДИЦИНЫ

Шесть часов утра

Я лежу в абсолютно темной, узкой и крошечной комнате, каждую минуту, как проклятый, поглядывая на табло дешевой электронной «Монтаны». Табло в темноте не видно, и приходится нащупывать подушечкой пальца острую кнопку подсветки, щуриться в попытке рассмотреть цифры.

Без пяти шесть. Еще пять минут непонятной наполовину дремы, наполовину тревожного ожидания писка будильника. Сегодня была очень спокойная ночь, и мой напарник Виталик разбудил меня только два раза. С Виталиком мы приятельствуем, да и вообще он человек хороший, поэтому осторожно входил в каморку, слегка тряс меня за плечо:

– Паша, вставай. Везут.

И я вскакивал, натягивая халат, потому что в нашу больницу на скорой везли лежачего. А мы с Виталиком санитары. И нам надо нести носилки с пациентом в приемное отделение, а потом – куда распределят.

Виталик – хороший человек. Бывший сиделец Игорь в таких случаях просто грохочет кулаком в дверь чуланчика. А Аркаша так и вовсе может пнуть раскладушку, на которой я сплю.

– Подъем, студент!

Они старые и злые. А мы с Виталиком – молодежь. Я второкурсник медучилища, а Виталик только из армии, еще не определился. Поэтому нам с Виталиком всегда есть о чем поговорить, и я люблю с ним дежурить. Игорь может прийти на смену пьяный и полдня парить мозг рассказами о воровских понятиях и тюрьме. Потом добавить и завалиться спать на диван в приемном, оглушая пациентов и врачей своим храпом. А ты с тоненькими медсестрами таскай носилки. Аркашка тоже противный мужик. Появится в начале смены, притащит свой старорежимный поцарапанный чемодан со всяким барахлом, посидит в уголке, а потом убегает в отделение. В чемодане у него консервы, печенье, еще какая-то мелочь. Аркашка по кругу обходит палаты и медсестер, продавая втридорога содержимое чемодана. И пациенты покупают. Не от голода, больше от скуки.

Придет потом Аркашка довольный, украдкой пересчитывая в кармане халата барыши. И примется учить меня жизни. Терпеть этого не могу.

– На фиг тебе это училище? Ну отучишься, потом куда? В медицинский? А дальше? Будешь у нас в больнице старым бабкам клизмы ставить? Надо ловить момент, надо раскручиваться.

Сам Аркашка раскручивается. Подторговывает продуктами, разводит на своей старой даче белых мышей и крыс, продает их на рынке. Без налогов, чеков, без гарантий и разрешений. Лихой и хаотичный бизнес середины девяностых. Выгода с этой торговли копеечная, но Аркашка очень своим бизнесом гордится. На работу ходит только для того, чтоб пенсия потом капала.

С Виталиком проще. У нас одинаковые проблемы, одинаковые взгляды на жизнь. И будит он меня осторожно, аккуратно:

– Паша, вставай. Везут.

Первый раз привезли в полвторого ночи. Чумахая от сельской грязи скорая притащила бабульку с обострением холецистита. Бабулька знать таких слов не знает. У нее «унутрях болит». В толстенной карте целый набор болячек, рекомендаций, лечения. Рекомендации бабулька привычно игнорирует. Любит сало и выпить. А в больницу ложится только к зиме, когда огород убран и скотина пошла под нож. Она и сейчас недовольна, «несогласная госпитализироваться», потому что утром «курей» кормить и козу доить.

Кое-как уговариваем ее. Тащим до лифта, оттуда в отделение хирургии. Коридоры успокаиваются.

Я опять иду в чуланчик, урвать от ночи пару часов тревожного сна.

Второй раз привозят уже почти на рассвете. Законная добыча субботней дискотеки – ножевое ранение. Тут возни побольше. Надо аккуратно раздеть окровавленного пациента, постараться с ним не подражаться, а пациент нетрезв и возбужден. Потом на каталке – в операционную. Там уже не наша работа. Виталик остается ждать вызванных ментов, я опять иду спать.

И вот утро. Тревожное ожидание писка будильника подбрасывает меня над раскладушкой минут за двадцать до нужного времени. Несколько секунд я ошалело тарашусь в темноту, стараясь понять, что происходит и где я. В голове еще вертятся остатки какого-то сна, но я уже не помню, что там было. Постепенно прихожу в себя и тянусь к часам. Можно еще подремать.

Потом бесконечные двадцать минут я лежу в темноте, на грани сна и яви, каждую минуту поглядывая на табло часов.

В каморке неприятно пахнет старым слежавшимся бельем, мышами, какой-то химией. Еще пахнет сыростью и старыми стенами, которые никак не проветрить. Еще неприятно пахнет от самой раскладушки. Игоря не раз тут рвало, а брезент раскладушки уже не отмыть.

Здание больницы древнее, еще дореволюционное. В его стенах был кадетский корпус, и мальчишки в каких-нибудь эполетах маршировали по коридорам и во дворе, который тогда, наверное, назывался плацем. В нашем актовом зале, где сейчас на стене выцветшее пятно от давно снятого портрета Ленина, кадеты танцевали вальсы и мазурки с какими-нибудь барышнями-курсистками. И скрипел начищенный до зеркального блеска паркет, и каблуки начищенных до зеркального блеска сапог оставляли на нем черные полосы. И хрустела французская булка. Или не хрустела.

А в мою каморку они забирались, чтобы с бьющимся сердцем тискать этих курсисток. И эти стены слышали десятки шепотков-признаний.

Интересно, что в каморке было при кадетском корпусе? Может, хранили пыльные папки с документами; может, тут стояли швабры и ведра, при помощи которых стриженные кадеты драили полы. А может, в чулане, за железной дверью прятались длинные шкафы с винтовками. И с этими винтовками в 1920 году последние кадеты корпуса шли в атаку на «красных» под Одессой.

Фантазия у меня хорошая. И стоило мысли о шкафах с винтовками проникнуть в мой полусонный мозг, как меня тут же окружили призраки мальчишек в белогвардейских шинелях. Их увезли из этого здания в далеком 1914-м, когда к городу подступали немецкие войска (к этому городу постоянно кто-то подступал, при Иване Грозном и Петре – шведы, при Александре – Наполеон, при Николае и Иосифе – немцы). Но когда-то по городу ходила байка о том, что при ремонте здания в подвале нашли обвалившийся подземный переход (о, этот таинственный подземный тоннель из Верхнего в Нижний город). Начали копать, естественно надеясь найти клад, а нашли три полуистлевших детских скелета в военных дореволюционных шинелях. И в кармане у одного были оловянные солдатки.

Байка, не больше, чем байка. Но для моей разгулявшейся фантазии этого хватает. Сна как небывало, потому что призраки стоят вокруг и касаются меня своими холодными пальцами. Чуть в стороне – долговязая фигура, выше на голову, чем остальные привидения. Тонкое

породистое лицо великого князя. Олег Константинович, окончивший этот корпус в 1910-м и убитый на фронте первой Мировой. Один из редких погибших в войне Романовых.

И мне уже жутко и зябко, хочется спрятаться от привидений под одеялом. Но мне лень шевелиться. Каждое движение впускает под одеяло сырой и холодный воздух чулана, а пока я лежу неподвижно, под одеялом хоть немного теплее. Привидениям придется отступить.

Я лежу и собираюсь с силами, чтобы ровно в шесть встать с раскладушки рывком. Такое ощущение, что каждая секунда чувствительным электроном проскакивает через мой мозг. А сам уже представляю, как встану, как открою скрипящую дверь, как выйду в коридор, потом загляну в приемное. На столе, положив голову на руки, будет дремать медсестра Танечка. У Танечки поверх белого халата наброшен еще один, теплый и цветастый. Виталик услышит меня, выберется из угла.

– Пошли покурим, – хриплым голосом предложит он.

Мы спустимся по высокой лестнице во двор, стена из красного потрепанного прошедшим столетием кирпича скроет нас от ветра и от глаз начальства. Виталик достанет из кармана помятую пачку, в которой болтаются оставленные на утро две сигареты. Чиркнет спичкой, сложит ладони лодочкой. Из двери, которая ближе к РАО, выползет во двор санитарка тетя Валя. Тоже затеплит огонек спички, поморщится от едкого дыма, шумно сделает первую затяжку. Тетя Валя на нас слегка дуется. Вчера днем резались мы с Виталиком в карты. А что, день тихий, пациентов почти нет. Особенно лежачих, а жидкий поток плановых нас не касается, они своими ногами дойдут. От скуки сели мы оба на диван за перегородкой. Виталик вытащил потрепанную колоду карт. На третьей партии в дурака за перегородку заглянула тетя Валя:

– Пацаны, отнесите мочу в лабораторию.

Мы иногда помогали ей. Лаборатория от приемного далеко, тетя Валя уже немолода, варикоз там и все такое. А значит, мы подхватывали деревянный ящичек с банками, в которых плескалась желтоватая биожидкость, и тащили его в лабораторию. Игорь с Аркашкой тетю Валю сразу посылали, а мы жалели. Но не в этот день. Виталик в третий раз отчаянно проигрывал, поэтому огрызнулся через плечо. Тетя Валя обиделась, дулась на нас полдня. И утром тоже продолжит дуться.

– Ва-а-аль, – подаст голос Виталик.

– Пошел на хрен! – ответит санитарка.

– Ну Ва-аль! – Виталик фамильярно приобнимет тетю Валю за плечо. – Ну не дуйся.

Санитарка начнет таять, но гордость не позволит ей сразу сдаваться.

– Ну хочешь, мы в следующий раз за жрачкой в столовую стоняем?

– Сгоняете? – оживится Валя.

– Зуб даю.

– Ну ладно. – Тетя Валя окончательно нас простит и некоторое время мы будем стоять рядом, прижимаясь плечами к шероховатой кирпичной стенке и болтать о пустяках.

Потом мы с Виталиком вернемся в приемное. Поставим чайник, заварим в кружках нерастворимый кофе. Будем потягивать его, смотреть в окно и плевать от коричневых крошек. Проснется Таня. Зазвонит стоящий у нее на столе телефон. Заскрипит тормозами первая скорая. В конце улицы покажется пошатывающаяся фигура Игоря или скрюченный Аркашка. Начнется очередной рабочий день.

Будильник пищит на моей руке. Пора, сжав зубы, откидывать колючее одеяло и вставать. Снимать с гвоздя, на ощупь, помятый белый халат. Идти к умывальнику в приемник, курить, ежась на утреннем сквозняке, первую за сегодня сигарету. Передавать половину недокуренной сигареты сонному Виталику.

Пора начинать новый день. Шесть часов утра.

За рекой

Сегодня дежурство в приемном на редкость спокойное. Четверг, середина недели. Всем лень и некогда болеть, драться и калечить друг друга, принимать химические жидкости, несовместимые с организмом. День проходит в скуке и полусне. Мы с Виталиком, санитары отделения, и вовсе не вылезаем из-за своей занавески. Сидим на диване, бесконечно шлепаем по его дерматину засаленными картами. Счет в турнире приближается к трехзначному числу. Мы уже потеряли к картам интерес, но заняться решительно нечем.

Жидкий поток поступающих больных иссяк еще в 11 утра. Все они были ходячие, и наша с Виталиком помощь не понадобилась. Еще вчера из терапевтического отделения выписали пациентку 150 кг весом, которую надо было таскать с третьего этажа в подвал на рентген и ФГДС. Переломанные из травмы тоже как-то обошлись без нас. В обед мы лениво сходили на кухню за кастрюлей борща для приемного отделения. После обеда Виталик пошлялся по этажам, приставая к медсестрам, но девчонки поголовно были не в настроении, и он вернулся играть со мной в карты.

Скучно и лень. День тянется, как расплавленная на солнце резина.

После восьми вечера на столе медсестры приемного Наташи задрезжал телефон.

– Санитаров? Сколько? Обоих? А он буйный, кусается?

Наташа с нехорошей усмешкой посмотрела на нас. Мы с Виталиком насторожили ушки.

– Ну смотрите. Сейчас скажу им. – И, уже положив трубку телефона: – Собирайтесь, лентяи. Надо пациента в Задвинье везти.

Задвинье – это район Полоцка. Старинный город традиционно делится Западной Двиной на две части. Верхний город, увенчанный белыми стрелами Софии. Там вал Ивана Грозного, пробитый в самое сердце чашей стадиона. Там мост, по которому отступали наполеоновские войска, остатки зданий кадетского корпуса. Там стоянка первобытных людей. За забором базилики, искалеченной императором Петром, мрачнеет наша первая городская больница. А на другом берегу серые пятиэтажки Задвинья. Кварталы советской постройки, перемежаемые унылым частным сектором. В древние времена там были какие-то слободы, выселки. Да и теперь там не слишком весело. А еще Задвинье – это психиатрическая клиника. Психиатрия недалеко, если уметь шагать по серым двинским волнам. Ее почти видно. Но ехать приходится в обход, через бетонный мост, по городским улицам.

А если зовут нас, значит, кто-то из пациентов Задвинья попал к нам в больницу с переломом или обострением язвы. Его пролечили и сейчас возвращают в объятия постоянных врачей.

– Кто там? – осторожно спрашивает Виталик.

– Кусается, плюется и мажет санитаров дерьмом! – делает страшное лицо Наташа.

– Вот и езжай сама, – не остается в долгу Виталик.

– Да ладно, пошутила я. – Наташе лень с ним пикироваться. – Псих какой-то. Тихий.

– А чего они свою бригаду не пришлют?

– Некого. На всю больницу только трое санитаров остались. И все в буйном. Не могут их оторвать. Мало ли.

Привычное дело. В Задвинье санитары долго не задерживаются. Кому охота за копейки смотреть на все это. Тут в обычной больнице иногда прилетает. А уж среди психов...

Набрасываем на халаты синюшные телогрейки с вышитыми на спине буквами «ПЦГБ», тянемся по лестнице в отделение.

– Не лети. – Виталик останавливается между пролетами, забирается на огромный, шириной почти в метр, подоконник, открывает разохшуюся форточку.

– Покурим.

Я восхищаюсь его наглостью, его уверенностью в себе. Виталику сам главврач не брат. Он и его пошлет подальше, если вздумает цепляться. Неторопливо дымим помятыми «астринами». Табак плохо утрамбован, его шелуха попадает в рот, приходится отплеиваться.

Наверху хлопает дверь в отделение. Слышится раздраженный женский голос:

– Виталик... твою! Вы куда делись? Машина ждет, а они тут курят.

– Счас. – Виталик невозмутимо, нарочито неторопливо делает последнюю затяжку, выбрасывает окурочек в окно. Сползает на клетчатый пол.

«Псих» – щуплый мужичонка в каком-то непонятном и немного смешном ворохе одежды. Сидит на стуле, возле поста медсестры. Ноги вместе, глаза в линолеум, на коленях потерянная сумка. Рядом сопровождающая из Задвинья – некрасивая костлявая медсестра. Смотрит на нас сердито.

– Где вы шляетесь? Мне тут до вечера сидеть?

Виталик расплывается в своей неизменной улыбке.

– А что? Тепло, светло, и вкусно кормят. Отчего не посидеть.

– Придурок, – фыркает медсестра, но уже не так зло.

– Я Виталик, – поправляет ее мой напарник. – Но для вас – можно и придурок.

Постовая Анечка, место которой заняли задвинские, хмыкает. Медсестра из «психички» тоже почти улыбается. Только пациент сидит неподвижно и смотрит в одну точку где-то у себя под ногами. Его почему-то жалко.

– Пойдем, Зайцев, – говорит ему медсестра. – Домой пора.

Зайцев с готовностью вскакивает. Семенит по коридору так быстро, что мы едва за ним поспеваем. Спускаемся во двор по серой бетонной лестнице, затертой тысячами ног. Мимо массивного сейфа, у которого я когда-то отходил после получения зарплаты. Мимо дежурных «покойничьих» носилок. Во дворе промозглый ноябрьский ветер лупит нас в лица смесью дождевых брызг и мелкой цементной крошки. Зайцев испуганно прикрывается сумкой. Мы грузим его в темно-коричневую «буханку» с красными крестами на боках, садимся напротив на неудобные скамейки.

– Держитесь, хлопцы! – кричит нам водитель.

И с лязгом трогает с места.

Предупреждение своевременно. Раздолбанную машину бросает по выбоинам в асфальте. На перекрестках, перед светофорами, водитель старается тормозить аккуратно, но нас все равно бросает вперед. Зайцев валится на бок, чуть не теряет свою сумку, испуганно охает.

– Американские горки! – торжествуя орет Виталик.

Даже сейчас ему весело.

Зайцева выгружаем во дворе психиатрической клиники. Сопровождающая медсестра уводит его в здание с обшарпанными желтыми стенами.

– Когда назад поедет? – спрашивает Виталик у водителя.

– Поболтайте тут с полчаса, – отвечает тот. – Надо какие-то бумажки забрать.

– Без проблем. – Виталик кивает мне и топает вслед за пациентом в здание.

– Ты куда? – испуганно спрашиваю я.

– А что? Торчать тут под дождем? Пошли, с местными медсестричками побалакаем.

– В дурку?

– Ну в дурку! И что? Не больница, что ли? Везде люди. Пошли, не ссы.

И мы пошли. И уже через пять минут Виталик сидел в сестринской, дул из чужой чашки горячий чай, хрустел сушкой и смешил курносую девчонку в белом халате. Мне тоже сунули в руки стакан с чаем, позволили занять краешек продавленного дивана.

– Как тут у вас? – спрашивает Виталик. – Весело?

– Веселее некуда, – отвечает курносая. – Приперлись вчера студентки из медучилища – и в третью палату. А там у нас Михайловна, второй месяц как из деревни забрали. Ну, стан-

дартный случай: соседи травят, председатель – немецкий шпион, корова проповеди толкает. Шиза. При этом толковая бабка. Студентки к ней: «Как живете? Чем болеете? Чем вы на пенсии занимаетесь?». Михайловна невозмутимо: «Телевизоры вяжу». Девки дуры хихикают: «Ну да, телевизоры. А холодильники не получается?». Михайловна на них посмотрела, как императрица на червей: «Девочки, кто из нас сумасшедший? Телевизоры я вяжу. Сети такие для рыбалки».

Виталик ржет. Курносая хихикает. Мне почему-то не смешно. стакан обжигает пальцы, чай спалил мне всю слизистую на губах и языке. Теперь я занимаюсь тем, что ощупываю этим языком повреждения.

Виталик угощает курносую сигаретой, выходим на крыльцо покурить. Посреди двора стоит скамейка, на которой виднеется скорченная женская фигура.

– А это кто?

– А-а... – Курносая машет рукой. – Филиппова. Тоже деревенская, из Экимани.

– Тоже соседи травят?

– Не, с этой грустно. Залетела от какого-то тракториста, тот жениться отказался. Сделала аборт в нашей гинекологии, у Ковова. А на почве этого аборта тронулась. Сидит, со своим дитем разговаривает. Жалко бабу. Но что поделаешь.

От новой истории мне становится тоскливо. Еще и дождик накрапывает, вымачивая покрытый трещинами асфальт, превращая в грязь осенние клумбы, смывая остатки листьев с торчащего в углу вяза. Курносая чувствует повисшую между нами паузу и пытается загладить впечатление от своего рассказа.

– А во втором отделении забавный товарищ лежит. Думает, что он летать умеет. Просит его к койке привязывать. Мы привязываем, так он выгибается, упирается пятками и затылком, получается такая дуга. И висит чуть не часами. Откуда только силы берутся. Кричит, что задница его к небу стремится.

– А вдруг вправду улетит? – хмыкает Виталик. – Может, он экстрасенс какой-то. Типа Кашпировского.

Они с курносой еще о чем-то болтают. Виталик подвигается к девушке поближе, уже похозяйски лапает за талию. Медсестра не возражает, опять хихикает. Я чувствую себя лишним.

– Хлопцы, вы тут?! А я вас ищу!

По лужам к крыльцу шлепает наш водитель.

– Забрал все бумажки. Можно ехать.

Курносая смотрит на него недовольно. Виталик что-то шепчет ей в розовое ушко, и та согласно кивает. Лезет в карман за ручкой. Виталик протягивает ее своей проездной и медсестра пишет на краешке номер телефона.

– Поехали уже, – ворчит водитель.

И я почему-то ему благодарен.

Через полчаса мы сохнем у батареи приемного. Телогрейки висят на вешалке и пахнут псиной. Снова диван, снова карты шлепают по дерматину.

– Симпатичная Катька? – спрашивает у меня Виталик.

– Какая Катька?

– Ну из дурки. Ниче такая, да?

– Ниче, – соглашаюсь я.

Виталик довольно ухмыляется. Счастливый человек. И в карты ему везет.

За окном снова дождь, ветер лупит в окно. До утра еще пять часов. И спать совсем не хочется.

Салон красоты

– Студент, вставай! – Аркашка-паразит со всей дури лупит в дверь чуланчика, в котором я сплю. Грохот мгновенно вырывает меня из тревожного сна, и я несколько секунд ошалело таращусь в темноту, пропахшую хлоркой и заплесневелыми матрасами.

– Вставай, говорю, бомжей везут!

Вот же сволочь. Мог бы как-нибудь аккуратнее разбудить. Впрочем, что это я. Это же Аркашка. Не пнул по ногам – и ладно.

Поднимаюсь с продавленной, пахнувшей кислятиной раскладушки, натягиваю измятый белый халат, выползаю в коридор больницы. Направо – лифты в отделения, налево – дверь приемного и ухмыляющийся напарник санитар.

– Аркашка, какие, на фиг, бомжи?

– Обычные, – пожимает плечами Аркашка. – Пьяные и побитые. Я один не справлюсь. Пошли, Танька сказала тебя разбудить.

Тянемся в приемное. Я иду еще неуверенно, от резкого пробуждения пульс стучит в висках. Аркашка доволен. Сегодня его очередь не спать, ему скучно, а тут законное основание меня разбудить. Какое-никакое развлечение. Еще и бомжи какие-то.

Танюша, медсестра приемного, кутается в наброшенный на плечи цветастый халатик.

– Сигареты есть?

Шарю по карманам, достаю измятую пачку «Астры», на дне которой болтаются штуки три.

– Пока приедут, у нас минут десять есть. Пойдем покурим, – командует Танюша.

Спускаемся по лестнице во двор. Над Софийским собором всюду светит луна. Над корпусом КВД так же яростно пылает полуночный фонарь. Закуриваем, давясь горьким дымом.

– Аркашка сказал, каких-то бомжей везут, – лениво интересуюсь я.

– Так и есть. – Таня ловко сплевывает попавшую в рот табачную крошку. – Менты подобрали возле аэродрома. Они там чего-то пили, потом подрались. Так громко дрались, что местные проснулись и ментов вызвали. Тем лень к себе везти, а вытрезвители полгода как закрыли. Вот и прут к нам.

– Что-нибудь серьезное?

Таня пожимает плечами.

– Вроде нет. Пара ссадин, ушибы. А сопутствующие заболевания определим на месте.

– Врачам позвонила?

– Ага. Петрович сейчас спустится.

Петрович – это хорошо. Петрович – это надежно. Старый терапевт, который на вот таких ночных побудках собаку съел. У него все по струнке ходить будут. И менты, и бомжи, и мы с Танюшкой. Юного интерна Володю никто не слушает. А вот с Петровичем спокойнее. Глядишь, и драки в приемном не будет. А то на прошлой неделе устроили бои без правил. Санитары против пациентов. До сих пор ухо болит.

У входа тормозит милицейский уазик, мрачные типы в форме выгружают теплую компанию из четырех небритых мужчин неопределяемого возраста. Последний из выгружаемых поворачивается и галантно подает руку единственной даме. Дама, наверное, симпатичная, но все впечатление портит отсутствие передних зубов и свежий, наливающийся багровой синевой фингал под левым глазом.

– О, Семеновна, – узнает красавицу Таня. – Давно не виделись.

– Таню-юша, – распахивает свои объятия гостья. – Так почитай с декабря. Как вы пневмонию мою подправили, так я и не заглядывала.

– Разговорчики! – рывкает один из типов в форме. – Медики, оформляйте поступление.

– Во-первых, здравствуйте. – Петрович высовывается прямо из окна приемного и с презрением смотрит на прибывших. – Во-вторых, неплохо было бы сначала завести пациентов в помещение, а потом разглагольствовать!

Без дальнейшей демагогии Петрович скрывается в глубине здания.

– Да он охренел! – возмущается патрульный помоложе.

– Тихо, сержант! – обрывает его второй, тот, что постарше. – Это Петрович. Ты с ним не ругайся.

– Чего это? – ершится молодой.

– Я тебе потом расскажу. – Старший кончиком резинового «демократизатора» тыкает в бок ближайшего бомжа. – Проходите, граждане.

Бомжи с шутками и благодушным переругиванием топают вверх по лестнице. В приемном сразу начинает пахнуть вчерашним и свежим перегаром, немывтыми телами, какой-то кислотной. Уже привычный мне запах неухоженного опустившегося человека. Я таких каждый день вижу. Надо же, 1997 год на дворе, а их все больше.

Танюша садится на свое место, достает сразу пачку историй болезни. Эти истории мы с Аркашкой весь вечер подшивали грубыми нитками. Тупая работа, нудная. Берешь из пяти пачек разные листки, складываешь их определенным образом, потом огромной иглой прокалываешь в месте сгиба и наскоро скрепляешь тремя-четырьмя стежками. Вроде просто, но когда надо сделать таких сотню – надоедает.

– Не торопись, Татьяна, – поднимает руку Петрович. – На что жалуемся, пациенты?

– На жизнь! – хохмит один из бомжей – высокий мужчина в дырявой телогрейке, по самые глаза заросший неопрятной бородой.

– Это понятно, – невозмутимо отвечает Петрович. – Конкретные жалобы есть?

– Башка трещит, – встревает второй, с татуированными пальцами. – Похмелиться дашь, медицина? Спиртику бы нам накапал.

– И это понятно. – Петрович быстро и ловко осматривает пациентов. Светит в глаза фонариком, щупает пульс. От пациентов пахнет так, что глаза слезятся, но Петровича это не смущает, он не брезгливый.

Бомжи участвуют. Охотно распахивают на впалой груди несвежее белье, говорят «а-а-а», так широко открывая зловонные рты, что видно даже железы. Дама стесняется, Петрович уводит ее за фанерную перегородку, осматривает там.

Менты топчутся в стороне с явным желанием побыстрее закончить всю эту катавасию и смыться. Молодой уже два раза выходил курить.

– Так, – наконец выпрямляется терапевт. – Даму оставляем на предмет диагностики ЗЧМТ. Вот этого, – он кивает на высокого бородача, – тоже оставляем. У него какие-то подозрительные хрипы, надо флюорографию утром сделать. Остальных – пожалуйста на выход.

– Как это на выход?! – тут же возмущается молодой мент.

– Не вижу причины размещать их в учреждении здравоохранения. Коечный фонд не резиновый, – парирует Петрович.

– Слушай, Гиппократ. – Молодой нависает над невысоким Петровичем. – Мы тебе пациентов привезли? Привезли. Забирай.

– Пациентов – заберу, – поднимает на него взгляд терапевт. – А вот этих троих можете вернуть, откуда взяли. Они здоровы. Несколько ссадин – не повод для госпитализации.

– Послушай, чудака-человек, – не сдастся мент. – Куда же я их повезу? Обратное – так это через полгорода тащиться. В отделение – так они вонючие, грязные. Вши у них. На фиг они мне нужны! На улицу выбросить – они опять подерутся. Так что бери их к себе в больничку и не разглагольствуй.

– Не возьму, – отвечает врач. – Не вижу показаний для госпитализации.

– Будут сейчас тебе показания, – мгновенно вспыхивает молодой. – Мы их из отделения выведем и на газончике, прямо под окнами отметелим. Вот этой дубинкой! Будет тебе и ЧМТ, и ВЛКСМ, и ГКЧП, и что хочешь будет!

Бомжи испуганно шарахаются подальше от мента, забиваются в дальний угол.

– Если вы это сделаете, я буду вынужден позвонить Сергею Дмитриевичу и доложить о действиях его подчиненных, – говорит доктор.

– Какому... Сергею Дмитриевичу?! – повышает голос молодой.

– Сержант, ты это... – Старший осторожно трогает напарника за локоть.

– А чего он меня каким-то Дмитриевичем пугает?

Кто он такой?!

– Начальник нашего УВД, – тут же ровно говорит врач. – Подполковник Уваров, слышали? Он у меня в прошлом году гипертонию свою лечил. Телефон оставил. Для специальных случаев. Звонить?

Молодой на глазах сдувается, как воздушный шарик. Злобно смотрит на врача, на нас с Таней. Срывает злость на безропотных бомжах.

– А вы что уставились?!

– Остынь, сержант. – Старший уже решительней берет напарника за локоть, выталкивает его в коридор.

– Любит Петрович театральные эффекты, – шепчет мне в спину Таня. – Прямо Немирович-Данченко.

Старший мент тем временем возвращается в приемное.

– Петрович, вы простите дурака этого. Он молодой еще. Второй месяц в органах. Привыкнет.

– Бывает, – отвечает врач. – Ну так что, заберете троицу?

– Никак нельзя, Петрович, – разводит руками старший. – Они же правда воняют, вши вон у них. Вид неприглядный. Утром начальство в отделение придет – а у нас такая красота.

– Так пусть идут пододру-поздорову.

– И это нельзя. Нас же на их драку вызвали. Все зафиксировано. Если опять подерутся – нам по шапке прилетит.

Петрович завис. Принимать теплую компанию ему категорически не хотелось. Коек действительно оставалось мало, а ночные гости и не пациенты вовсе. Полежат пару дней с диагнозом «ушибы» и «алкогольное отравление» и пойдут себе обратно в свою берлогу. Но за эти пару дней могут половину больницы на уши поставить.

И тут на выручку терапевту пришла Таня.

– Я так понимаю, что основная претензия к гражданам без определенного места жительства – это вши, запах и неухоженный вид? – спросила она старшего мента. – Ну да, – нерешительно ответил тот.

– То есть если вшей не будет, вы их заберете?

– Заберем, – вздохнул старший.

– Мальчики. – Таня повернулась к нам. – Проводите граждан в клизменную. Аркаша, разбуди Валю. Сейчас все будет в лучшем виде.

Минут через пять в клизменную ввалилась тетя Валя, наша санитарка. Тетю Валю в ее шестьдесят с хвостиком было трудно чем-либо удивить, поэтому при виде трех голых дрожащих мужиков она даже глазом не моргнула.

– Валя, – скомандовала Татьяна. – Моем, бреем, выводим вшей.

– Да, мой генерал, – щелкнула тапками санитарка и пошла за «Ниттифором».

Через некоторое время мы с Аркашкой не выдержали и заглянули в клизменную. Таня, вооружившись огромными ножницами и дежурной бритвой, колдовала над одним из гостей.

Еще двое, по самые брови намазанные «Ниттифором» и укутанные в клеенку, сидели у стены на табуретках, под охраной бдительной тети Вали.

– О, студент! – обрадовалась Таня. – Ты вовремя. Вон в углу узел с их вонючими шмотками. Хватай его и беги сейчас в прачечную. Там ночная сторожиха Васильевна. Я с ней договорилась – простирнет и просушит по-быстрому. Стерильно не будет, но запах отобьет.

Менты не сбежали?

– Нет, – ответил я. – Курят на крыльце.

– Не давай Петровичу ничего подписывать. А то подпишем – и скроются на горизонте. Впрочем, Петрович опытный, не подпишет. Бегом, студент. Что нам, всю ночь тут возиться?

Через полчаса я вернулся в приемное с теплым и влажным узлом, от которого пахло хоть и не слишком приятно, но и не тошнотворно, как вначале. Энергия Тани поражала. Она в самом деле уговорила по телефону ночную сторожиху, та открыла прачечную, не глядя и не сортируя, забросила содержимое узла в беспощадную пасть стиральной машины. Через десять минут водных пыток перенесла лохмотья в сушилку. Вся процедура едва заняла полчаса, поэтому, когда я возвращался, менты, курившие на крыльце, еще не подавали признаков нетерпения.

Бомжей было не узнать. В клизменной сидели трое костлявых, но аккуратно подстриженных и побритых человека. Таня бросила им принесенный мной узел.

– Облачаемся, господа.

Бомжи с видимым удовольствием, перешучиваясь, разобрали свои тряпки.

– На выход, – скомандовала медсестра. – Студент, зови ментов.

Я вышел во двор. Патрульные сидели на скамейке, прямо под окнами кабинета УЗИ, и докуривали вторую пачку. К счастью, за прошедший час их никто не вызвал.

– Забирайте, – махнул рукой я.

– Ну, посмотрим, посмотрим, – проворчал старший, поднимаясь.

Молодой не сдвинулся с места, только презрительно покосился в мою сторону.

– Ну, девочки, вы прямо волшебницы, – удивился мент, разглядывая посвежевших «гостей». – Таких красавцев уже и в отделение взять не стыдно.

– Катите уже, – невежливо отозвалась тетя Валя. – Нам еще убирать за вашими красавцами.

– Пойдем, – старший приоткрыл дверь, пропуская вперед первого из троицы.

Помолодевшие бомжи вышли в коридор. Замыкающий обернулся и послал воздушный поцелуй всему приемному отделению.

– Спасибо за салон красоты, – сказал он. – И присматривайте тут за нашей дамой.

– Уж не оставим, – в тон ему ответила Таня.

Милицейский узик завелся и наконец укатил с нашего двора. Валя пошла приводить в порядок клизменную, Аркашка скрылся где-то в глубинах больницы. А я пошел досыпать в свой чуланчик. В конце концов, у меня было еще законных сорок минут до шести часов утра.

Еще один день

В этом году весна заблудилась где-то на дальних подходах к нашему городу. Конец апреля, а холодрыга жуткая. С самого утра зарядил мелкий морозящий дождь, изредка прерываемый снежной крупой. Небо заволокли тяжелые сизые тучи. Скучно.

Дождь вымочил дороги, которые ведут к больнице. Лужи скрыли огромные ямы в асфальте, а неасфальтированный кусок улицы у морга превратился в непролазную грязь. Часов в десять утра там буксовала «буханка» с новопреставленным пациентом реанимации. Немногочисленные родственники покойного толкали «буханку». Та выла, брызгала во все стороны грязью и увозить бранные останки пациента не соглашалась.

В конце концов машину раскачали так сильно, что покойный вывалился из носилок и начал перекатываться внутри, глухо стучаясь черепом о стенки. Видимо, и ему надоела эта канитель, и он бросился помогать.

Родственники ругались, водитель ругался, санитары из морга ругались, только покойный был тих и задумчив. А чего кричать? Погода же.

Мы с Виталиком сидим на огромном подоконнике в коридоре и смотрим в окно. С утра в приемное идет поток плановых пациентов. Идут они на своих ногах – наша санитарская помощь не требуется. Тетя Валя выдаст свежим обитателям палат потрепанные больничные лохмотья и проводит в отделения.

Мы сидим, нам скучно. Сигареты давно кончились. Надписи на подоконниках изучены с дотошностью исследователей Розеттского камня. Пейзаж за окном тоже изучен. Пейзаж, кстати, неплохой. Если не обращать внимание на крышу КВД и мокрые стены морга, то из-за забора видишь кресты и белые башни Софийского собора. На фоне сумрачного неба – потрясающее зрелище. Но когда пялишься в окно с семи до десяти утра без перерыва, то любое самое потрясающее зрелище приедается.

Сидим, молчим.

Рабочие внизу, у фундамента отделения, выкопали огромную яму. Яма за ночь до половины заполнилась дождевой водой, и теперь рабочие, матерясь, копаются там по пояс в грязи.

«Тюк, – доносится откуда-то снизу. – Тюк».

– Долбают, – оживился Виталик. – Опять сантехника полетела.

«Тюк», – поддерживает его кто-то из рабочих.

– Фиг они продолбают, – хихикает Виталик. – Стены дореволюционные. Там среди раствора цельные камни попадают. Тут без динамита не подходи.

«Тюк, тюк, БУМ!» – равномерное тюканье железного лома прерывается глухим стуком и громкими матюками.

Через пару минут в отделение заходят трое измазанных грязью молодца в одинаковых робах. Один из них держит на весу окровавленную руку.

– Сестричка, меня бы перевязать.

«Сестричка», а точнее санитарка тетя Валя, три года на пенсии, сто двадцать кило, один краше другого. Смотрит на пострадавшего свысока.

– Дотюкались?

– Ага, – кротко отвечают рабочие.

– Ну сейчас позову девок, перевяжут.

Рабочие покорно садятся на самый краешек скамейки для поступающих пациентов. С них капает вода и медленно соскальзывают на пол комочки жирной грязи. Осадки медленно скапливаются, образуя под ногами рабочих небольшую лужу. Туда же капает кровь из разбитой руки пострадавшего. Тот стесняется, старается держать руку повыше, но капли темно-красной жидкости все равно срываются и летят вниз.

Тетя Валя возвращается с Иринкой, медсестрой перевязочной. Видит безобразие, размазанное на полу, хмурится.

– Ну что за свинота?! Ладно этот сидит, ранетый. А вы-то чего?

Напарников пострадавшего мигом сдувает. Ирина уводит нового пациента на перевязку, тетя Валя с ворчанием начинает протирать пол. Сидящие на скамейке плановые пациенты испуганно подбирают ноги.

«Тюк», – доносится снаружи.

– Да чтоб вас! – злится тетя Валя. – Сейчас же и второго принесет.

«Тюк», – отзывается железный лом.

Проходит около часа. Мы с Виталиком по-прежнему сидим на подоконнике. Рабочие берутся вниз. По очереди спускаются в грязную канаву, погружаются в воду, берут лом и

тюкают. Их более везучий напарник сидит в стороне, курит, поднося сигарету ко рту уцелевшей рукой. Вторая замотана белым, но быстро темнеющим бинтом.

К двум часам дня тюканье прекращается. Мы с Виталиком приносим с кухни обед для всего отделения. Кастрюля для жидкого больничного борща, как всегда, оказалась слишком мелкой. Виталик очаровывает поварих, и они щедро наливают по самые края. Пока идем, борщ потихоньку выплескивается, пропитывает старую простыню, в которую завернута кастрюля.

– Свинтусы, – ворчит тетя Валя. – Все изгваздали. Стирай потом после вас.

После обеда нам наконец-то привозят работу. В одной из деревень нашего района механизатор чинил трактор. Трактор стоял на дороге, ведущей под уклон, и когда ремонтник, увлекшись, толкнул его – покатился. Перелом полного набора берцовых костей. Впрочем, пациент весел, доволен жизнью, шутит с персоналом. Ближайшие два месяца он проведет в чистой постели. А его коллеги – в поле, в грязи и под дождем. Как тут не радоваться?

Носим механизатора из приемного в рентген. И обратно. На каком-то этапе он знакомится с только что пострадавшим сантехником. Не успели мы с Виталиком оглянуться, как пострадавшие уже подружились. Сантехник сидит на скамейке, рядом с носилками. Механизатор что-то оживленно рассказывает ему. Сантехник кивает и в доказательство своих слов разматывает бинт, демонстрируя раны.

– Чего это они? – удивляюсь я.

– Меряются, у кого травмы больше, – хихикает тетя Валя. – Ну чисто дети.

Через некоторое время травматологи утаскивают механизатора в перевязочную. Колдуют там, накладывая гипс. Пока возятся, сантехник исчезает. Появляется он через двадцать минут с подозрительно оттопыренным карманом. Садится на скамейку рядом с отделением. Ждет.

Мы с Виталиком выносим загипсованного механизатора. Сантехник встречает его, как старого друга. Механизатор приподнимается на носилках, торжественно машет рукой. Мы с Виталиком материмся. Из-за изменения центра тяжести мы едва не опрокидываем пациента на пол.

Пока врачи оформляют бумажки, сантехник дежурит рядом с носилками новоприобретенного друга. Пару раз оттуда доносится подозрительное бульканье, но медики этого не замечают. Когда мы с Виталиком поднимаем механизатора в палату, тот уже пробует петь.

– Это что тут такое?! – возмущается завтравматологии Иван Михайлович. – Когда пациент успел?

Долго ли умеючи? Сантехник торопливо прячет опустевшую бутылку в рукав и ретируется под защиту выкопанной на улице ямы.

Иван Михайлович ругается, угрожает механизатору досрочной выпиской. Тот лежит и блаженно улыбается.

Ну куда мы его выпишем? Перелом же. Травматолог тоже это понимает и ругается больше для порядка.

Относим механизатора в палату, устраиваем на койке. Дальше над ним будут колдовать медсестрички отделения. Виталик успевает походя потискать одну из них – самую, на его взгляд, симпатичную. Получает в ответ игривый, скорее ласковый шлепок по затылку. И мы снова спускаемся к подоконнику.

Дождь за окном прекратился, зато идет плотный, густой снег. Он падает огромными хлопьями, но на земле сразу же тает.

– Пакость какая, – ежится Виталик.

Ему сегодня еще на вторую работу, на ночную смену в цех пивзавода. А мне – домой, учить «сестринское дело». В среду экзамен, а я даже учебник не открывал.

Смеркается. Виталик снова исчезает, договаривается, чтоб нас с ним подкинули до остановки на попутной «буханке». Тетя Валя, ворча, топает вниз по лестнице, тащит в ведре остатки больничного ужина. У нее в частном секторе сараюшка с поросенком. Не пропадать

же добру. Искренне удивляюсь здоровью и силе пенсионерки, которая таскает через несколько улиц почти полное ведро объедков.

Скрипит тормозами скорая.

– Паша, ты где?! Идем скорее.

Торопливо скидываю халат, бегу вниз. На прощание оглядываюсь назад, на горящие окна больницы. На третьем этаже виднеется смутный силуэт. Это механизатор дополз до окна и смотрит вниз. Видимо, ждет своего друга.

Ему хорошо.

Автобус

В конце прошлого тысячелетия, а точнее в 1997 году, я поступил в Полоцкое медицинское училище, чем начал свою карьеру.

В то время я жил в соседнем городе Новополоцке. Города находились довольно близко друг от друга и строились с таким расчетом, что однажды они сольются в единое целое. Но к моменту, когда слияние стало возможным, начальство городов не поделило власть, и все осталось на своих местах.

Уже в двухтысячных объединили местные военкоматы, на этом процесс слияния, собственно, и закончился.

Между городами ходили автобусы. Пятерка и десятка. Каждые тридцать минут на остановку приходил старенький забитый до отказа «Икарус». В него каким-то чудом утрамбовывалось еще какое-то количество пассажиров, и автобус ехал до следующей остановки. Там история повторялась: пассажиры, нарушая все мыслимые законы физики, уплотнялись снова. И уже тогда «Икарус» приезжал к моему дому.

Когда дверь его от-грх-гр-тррр-рывалась, пассажиры, которым не повезло подняться хотя бы в салон автобуса, вываливались наружу, повисали на поручнях, с матюками и стонами старались найти свое место в мире. А в спину их уже таранили те, которым нужно было уехать с моей остановки. И место находилось, и еще, и еще немножко...

– А ну-ка, выдохнули, товарищи!

И еще немножко.

Хорошо, если в спину тебя толкают дюжие работники завода «Стекловолокно». Тогда можно поджать ноги, и неведомые силы рабочего класса сами внесут тебя в душное и тесное нутро общественного транспорта. Хуже, когда эти боевые единицы успели прорваться внутрь раньше тебя. Вот тогда биться в каменные спины, обтянутые пахучими пуховиками, совершенно бесполезно. Пролезать под ногами просто опасно – затопчут и не заметят. Остается вжиматься в эти спины, отталкиваясь руками и ногами от поручней в надежде, что дверь автобуса зак-к-ргх-гр-оется, не отхватив тебе руки по локоть, и ты таки доедешь сегодня на микробиологию.

Потому что следующий автобус через полчаса. А до начала занятий каких-то сорок минут. А надо еще доехать. Поэтому – и снова бой, покой нам только снится.

И я такой был не один. С моей остановки автобус штурмовали полдесятка девочек-медсестричек, которым тоже не повезло жить в другом городе. Они безмолвно приняли мое гендерное лидерство, и не раз я возглавлял девичий штурм на «Икарус». Втиснешься, окруженный волнительной близостью (да что там близостью, практически молекулярным проникновением), и стоишь, получаешь удовольствие от процесса поездки. Справа – Анечка из третьей группы примыкает к тебе пышной грудью. Слева – Маша, у которой новые духи, и они уже кружат тебе голову, сзади – надежный тыл в виде мягкой Вероники, а лицом практически соприкасаешься с Валечкой. И это почти поцелуй. Мало ли надо в семнадцать лет! Я окружен цветущим садом, и пусть работники «Стекловолокно» мне завидуют.

А еще с моей остановки ездила наша преподавательница по анатомии. О том, что она преподавательница, я узнал только на вторую неделю. Ну штурмует вместе со мной автобус полная тетка за сорок в каком-то бесформенном пальто и противной пушистой шапке. Почему противной? Да лезет эта шапка всем в лицо, когда наполнение салона становится критическим. Стоишь и отплеываешься от этой то ли крольчатины, то ли нутрии. Я в мехах не разбираюсь.

Проехались пару раз. Хорошо, что не поругались. Потому что седьмого сентября я увидел в расписании первое занятие по анатомии и уже через день узнал, что «пушистая шапка» – никто иная, как Тамара Ивановна. Грозный и придиричивый преподаватель по этой самой анатомии. А я от ее шапки отплеывался.

Тамара Ивановна вплыла в аудиторию, и сразу же ее взгляд остановился на мне.

– А-а, – протянула она вместо приветствия.

– Здравсь-сьте, – приподнялся над партой я.

– Начнем занятие, – отрезала Тамара Ивановна, всем своим видом давая понять, что рассказывать однокурсникам про наши с ней кульбиты в салоне автобуса совершенно излишне.

Непроизнесенный намек я понял.

Правда, Тамара Ивановна стала меня стесняться. И если мы с ней оказывались в одно время на остановке, то штурмовала автобус как-то вяло. От этого не раз бывало, что мне удалось втиснуться, а она оставалась снаружи. Дверь за-а... (ну вы поняли), а я смотрел на то, какими глазами моя преподавательница провожает «пятерку» и внутренне холодел. Мне казалось, что в своей неудаче анатомичка обвиняет меня.

Приезжал в училище и тут же объявлял однокурсникам:

– Тамара Ивановна задерживается. Не разбегаться.

Приедет следующим автобусом.

Девчонки сонно кивали и валились на парты. Кто подремать, урвав полчаса тревожного студенческого сна, кто подучить плечевой сустав.

Через полчаса, сильно опоздав к началу занятия, Тамара Ивановна входила в аудиторию и с укором смотрела на меня:

– Ну что, влез?

Я пожимал плечами. Зачем повторять очевидное?

Тамара Ивановна поправляла сбившуюся набок прическу, грозно обводила взглядом притихшую группу студенток.

– Так, кто у нас пойдет к доске?!

И от этого вопроса мы прятались за учебниками и атласами Синельникова.

И была одна неделя, в которой Тамаре Ивановне особенно не повезло. В понедельник я успел нырнуть в щель между работниками «Стекловолокно» и дверью, меня внесли в самое сердце салона и относительно комфортно повесили у поручня. Тамара Ивановна не успела и отчаянно билась в каменные зады плечом.

– Граждане, ну чуть-чуть, ну немножечко! – отчаянно взывала она.

Рабочий класс был глух и слеп. И равнодушен к проблемам презираемой интеллигенции. Дверь грохнула, анатомичка осталась снаружи.

Во вторник мы взяли старт почти одновременно. Я – в переднюю дверь автобуса, Тамара Ивановна – в заднюю. Я устроился в кильватере могучей старушки с гроздью авосек в ручищах. Старушка, подобно крейсеру, раздвигала плечами хлипких пассажиров и басовито рычала вокруг:

– Уступите пенсионерке место!

Ей тут же освободили место у окна, а под шумок я втиснулся на крошечный пяточок между сидениями.

Я тогда был строен и гибок, как плакучая ива.

Тамара Ивановна ввязалась в битву с парочкой аналогичных старушек на фланге. Но пассажиры сзади оказались покрепче, и старушки застряли на уровне ступенек. Тамара Ивановна попыталась их продавить, за что получила порцию отборных ругательств, проклятий и авоськой по прическе.

- Куда прешь, молодая?! Следующего автобуса жди!
- Но мне надо! – слабо затрепыхалась Тамара Ивановна.
- Всем надо! – отрезали старушки.

И автобус уехал.

В среду нервы Тамары Ивановны не выдержали. Я умудрился втиснуться одним из последних. Повис, упершись ладонями в пространство над дверью, а спиной в какого-то потного мужичка, страдающего от похмелья. Пятки мои зацепились за вторую ступеньку, а носы туфель остались висеть над бездной.

Тамара Ивановна осталась снаружи. Одна. Все, кто был на остановке, влезли, а она не смогла. Из передней двери гроздьё высывались рабочие «Стекловолокно», в проеме задней, распятый, словно лабораторная мышь на препараторском столе, висел я. Отчаяние в глазах преподавательницы было такое, что я сразу понял: ей попало за предыдущие два дня опозданий. Но что я мог поделывать? Худой и не слишком наглый студент-медик. Только упереться спиной в похмельного мужичка, отжимая еще полсантиметра жизненного пространства.

Этого Тамаре Ивановне показалось достаточно. Дверь уже зашипела, закрываясь, и тут преподавательница с каким-то первобытным рыком бросилась вперед. Плечом она впечаталась мне куда-то ниже солнечного сплетения, зацепилась краешком сапога за ступеньку, рванулась вперед...

И мы оказались лицом к лицу. Очень близко. Ну прямо очень близко. И Тамара Ивановна совсем не Валечка. Я покраснел и попытался повернуться хоть боком. Куда там.

– Э-э, – простонал сзади похмельный мужичонка. – Стой спокойно, студент. А то мне и так плохо. Сейчас увидишь, чем я завтракал.

И весь автобус с осуждением посмотрел почему-то на меня. Не на мужичка, а на меня! Но тут понятно. В состоянии похмелья работники «Стекловолокно» бывали периодически. И мужичок вызывал понятное сочувствие. А я? А я – непонятная и мутная интеллигенция. Мне оставалось только сдать.

Сорок минут мучений. С одной стороны – ароматный, икающий гражданин, так и норовящий положить свою тяжелую похмельную голову на мое плечо. С другой – твоя преподавательница. Дама за сорок с пышным бюстом, тщательно подведенными губами и ресницами. Так близко, что честный человек должен уже жениться. А мне семнадцать. И я стараюсь смотреть куда угодно, а не в лицо Тамары Ивановны. Так стараюсь, что к Полоцку у меня затекает вывороченная шея, а рубашка мокрая, хоть выжимай.

Тамаре Ивановне тоже неудобно. Не знаю, какие мысли у нее в голове крутились, но она так же, как и я, старательно отворачивалась в противоположную сторону. Автобус еще изрядно качало на неровностях убитой дороги, и мы периодически еще плотнее вжимались друг в друга.

Кошмарная ситуация. Кошмарной она была для обоих, видимо поэтому Тамара Ивановна решила немного разрядить обстановку.

- Ну что, Павел, выучил мышцы плеча? – как бы невзначай спросила она.
- Конечно выучил, – радостно отозвался я. – Целый вечер потратил, но вызубрил.

На этом обмене фраз наш энтузиазм мгновенно иссяк. Говорить дальше было решительно не о чем. Ну не станешь же в самом деле рассказывать преподавательнице про мышцы плеча, тем более что на самом деле я их едва просмотрел и планировал «шлифануть» прямо перед занятием.

«А вдруг она прямо сейчас и спросит? – внезапно похолодел я. – Чтоб время зря не терять».

Я взмолился Имхотепу, Гиппократу, Асклепию и прочим медицинским авторитетам, включая академика Павлова. К счастью, идея поспрашивать не пришла Тамаре Ивановне в голову. И мы снова устали в противоположные стороны.

Я не знаю, как мы дожили до конца дороги. Конечно, автобус останавливался, двери открывались, но с нашей стороны никто не выходил. Наша часть салона ехала до завода. На остановке возле училища мы вывалились из автобуса. Нерешительно постояли, пряча друг от друга глаза. Потом, как и надлежит мужчине, я решительно развернулся и сбежал.

На следующее утро встал пораньше и пришел на остановку минут за сорок до нужного автобуса. Решил, что разминусь с Тамарой Ивановной во времени и не придется больше краснеть. Шут с ними, с этими лишними сорока минутами сна. Честь дороже.

Было еще темно. Сумрачная остановка заполнялась мрачными мужчинами и сонными женщинами. Кое-где поблескивали огоньки сигарет. И у самого края стояла до боли знакомая фигура в огромной пушистой шапке. Я развернулся и спрятался за киоском, пока меня не заметили.

К счастью, уже в октябре я устроился санитаром в Полоцкую больницу. Стал часто оставаться на дежурства, на ночь, а уже оттуда бежать на занятия. Пару раз к дверям училища меня с шиком и скрипом тормозов подвозила районная скорая помощь. Мы еще встречались с Тамарой Ивановной на занятиях, но это было уже не то. Яркость впечатлений быстро погасла. Кроме того, на место Валечки, Маши и Лены заступили медсестры хирургического отделения – Юля, Танечка и Наташа. А им было уже двадцать лет! Взрослые и умудренные опытом, они быстро взяли меня в оборот.

В зимнюю сессию мы сдали анатомию и с Тамарой Ивановной больше не встречались. Сейчас мне за сорок.

И я иногда думаю – ну какие же мы все были тогда глупые, стеснительные и зажатые. Ведь из-за такой, в сущности, чепухи переживали.

Ничего святого

Врачи тоже люди. Они спят, едят, болеют. Иногда даже злятся, страдают и выходят из себя. Иногда совершают поступки, за которые им потом стыдно. Среди них бывают хамы, невежды, алкоголики и святые. Я знаю как минимум одного врача общей практики, которого можно назвать святым, но он, к сожалению, умер примерно четыреста лет назад.

Ивана Сергеевича, врача одного известного в стране онкологического центра, я знаю лет десять. Мой бывший сослуживец Володя, с которым мы вместе когда-то месили грязь белорусских полигонов, после первого контракта ушел на гражданку, стал там врачом-онкологом, а Иван Сергеевич был у Володи заведующим отделением.

Приехал я как-то к приятелю за очередным пакетом историй, сидели мы в ординаторской, пили кофе, я записывал. Иван Сергеевич подсел, добавил какую-то свою историю, предложил печеньки, которые его жена напекла. Так и познакомились.

Милейший человек. Исключительно вежливый, внимательный. Из той породы врачей, которую принято называть старой или советской закалкой, хоть к тому времени, когда Иван Сергеевич окончил медицинский вуз, страны Советов не существовало. Каждый раз при встрече он неизменно желает:

– Вы, если что, обращайтесь. Но не дай Бог придется.

Учитывая специфику его работы, действительно, не дай Бог.

А потом я на пару лет выпал из этого знакомства. Бывает так, закрутишься, дела навалются. Новые должности, новые заботы. Нет времени на старых приятелей. А у них тоже работы по горло. На Новый год или день рождения прилетит скупая эсэмэска, или в «ВК» свалится картинка с букетом и бутылкой коньяка. Мол, помним, любим. Но некогда.

Встретимся потом. На пенсии.

А недавно звонит Володя, и голос у него взволнованный:

– Слушай, у тебя же были какие-то знакомые из органов!

– Не были, а есть, – осторожно отвечаю я.

А сам уже представляю, что Володя кого-то пристукнул, и мне сейчас искать лопату, ехать в лес и помогать ему труп прятать. А на улице, между прочим, дождь идет.

– Надо помочь Ивана Сергеевича вытащить. Его в милицию забрали.

До августа 2020-го в Беларуси еще была иллюзия, что наша милиция нас бережет.

– Что-то серьезное?

– Я точно не знаю, я не силен в этих казенных формулировках. Но кажется, нанесение легких телесных повреждений и хулиганство.

Я вспомнил седого, полного Ивана Сергеевича, неизменно вежливого и тихого, исключительно воспитанного человека. И удивился еще сильнее.

– А чего он нахулиганил? Кому нанес телесные повреждения?

– Тут целый триллер, – вздохнул Володя. – Года полтора назад попала к нам в отделение девочка. Ну ты знаешь нашу специфику. Так вот, полный набор. Химиотерапия, облучение, пересадка. Уже все попробовали. Тянули ребенка как могли. Детские кое-как отмучили лет пять. Передали нам по возрасту, чтоб мы мучить начали. И досталась она как раз Ивану Сергеевичу. Исключительно мужественный человечек. Сама зеленая вся, руки капельницами исколоты, а нам улыбается, благодарит каждый день за нашу работу. Ты же знаешь, нам нельзя с пациентами налаживать эмоциональные связи. Они у нас нередко умирают, так что стараемся держаться подальше. А эта девочка прямо всех покорила. Мы в доску разбились, чтоб ее спасти. И вроде бы стало получаться. Вышли на стабильное состояние, потом пошла на поправку. Потом внезапное ухудшение. И после новых обследований мы руками развели. Спасти ее могла только операция в одной заграничной клинике. А стоит эта операция как две квартиры в столице.

Родители девочки тоже молодцы. Тут же бросились на все специализированные сайты, телевидение, радио. Подключили всех, кого можно, набрали кредитов в банках, продали все. Наскрестили на операцию. Ты, наверное, в Интернете видел проекты по сбору денег. Так вот, и тут такое было. Собрали. И недели две назад наша пациентка улетела в Германию.

А два дня назад у нас умерла другая пациентка, за жизнь которой мы долго боролись. Ехали вечером домой в паскуднейшем настроении. Иван Сергеевич высадил меня у метро, а сам заехал на парковку торгового центра. Говорил, что нужно продуктов на ужин прикупить. Дальше мне свидетели рассказывали.

Только Иван Сергеевич из машины вышел, как к нему тут же подскочила плохо одетая дама с распечатками в руках. И, показывая эти распечатки, принялась клянчить деньги на лечение ребенка. Глянул Иван Сергеевич на листки, а там портрет той самой девочки, которую мы в зарубежную клинику отправили. А попрошайка ноет, жалуется на жизнь, на то, что у нее дочь умирает.

И вот тут у Ивана Сергеевича, что называется, забрало упало. Свидетели говорят, что он сгреб эти листки, собрал их в кулак и принялся дамочку за волосы таскать и листками в лицо тыкать. Тут же подлетели мрачные типы, которые, как оказывается, охраняли попрошайку. Но Ивана Сергеевича было уже не остановить. Он принялся бить типов. В него словно бес вселился. Подобрал какую-то железяку, гонял этих бандюганов по всей парковке. Свидетели вызвали милицию, и нашего Ивана Сергеевича повязали.

Попрошайки пишут на него заявление. А мы всей больницей ищем знакомых из органов. Вот я и звоню тебе. Поможешь?

Знакомые нашлись. Не у меня, а у одного из руководителей центра. Иван Сергеевич отделался минимальными потерями. Девочка вернулась из Германии и приходила в клинику, благодарить своих спасителей.

Кажется, все закончилось хеппи-эндом.

А вчера ехал я домой и решил заехать за продуктами, в торговый центр. На парковке подскочила ко мне цыганка с распечатанными портретами лысого от химиотерапии и облучения, изможденного, но явно славянского ребенка. И принялась хорошо поставленным голосом клянчить на лечение.

Бить я ее, конечно, не стал. Прогнал. Она пробормотала мне вслед какое-то цыганское проклятие и побежала к следующей машине. На душе стало гадко.

Что за люди распечатывают портреты чужих больных детей и попрошайничают, вызывая жалость сердобольных прохожих? Неужели нет у них веры в то, что в потустороннем мире им все это припомнят? Неужели нет ничего святого?

Истории из-под микроскопа

Мои коллеги, работающие в различных клиникодиагностических лабораториях страны, нередко завидуют врачам-лечебникам.

– У них столько интересных историй, случаев. Им всегда есть что тебе рассказать. А у нас сплошные пробирки, мазки, копрограммы. Юмор такой специфический, что поймет только специалист из такой же лаборатории.

Но недавно заглянул ко мне в кабинет врач лаборатории Юра и торжественно выложил на стол несколько исписанных листков.

– Вот. С историей массовой битвы санитаров с вэдэвэшниками в приемном это не сравнить, но интересные случаи есть.

Перечитал я записи. Ну да, юмор действительно специфический, лабораторный. Источник этого юмора – безусловно, пациенты наши любимые. Ну куда же без них. Попробую превратить эти истории в небольшой кусочек литературы.

Пару месяцев назад позвонил в лабораторию один любопытный.

– Подскажите, вы анализ мочи делаете?

– Конечно, – отвечаем. – Приносите.

– У меня несколько специфическая просьба, – замялся клиент.

Девушка-лаборант успела покраснеть, но звонивший тут же принялся объяснять:

– У меня в подъезде все время кто-то стенку подмывает. Ну вы понимаете. В одном и том же месте. У меня подозрения есть, но поймать никак не могу. Я достану его мочу и со стены соскоб сделаю. Вы можете по ДНК определить, тот ли самый это человек?

И был очень разочарован, что ему отказали.

Разница в цене между человеческими и ветеринарными анализами может ввести в грех обмана любого любителя животных.

Как-то исследует лаборант анализ кала гражданина К. на предмет всяких гельминтов и вдруг обнаруживает странные включения. Остатки бумаги там, целлофана, небольшие щепки. Ну ладно щепки, с кем не бывает. Студенты вон гранит науки грызут. Но принимать по утрам небольшую дозу целлофана не каждый станет. Закралось в душу лаборанта сомнение. А все сомнения у нас валят на нарушения преаналитики (то есть процесса сбора и доставки биоматериала) и передают специально обученным людям, которые уже звонят и надоедают пациентам.

Позвонили и по этому случаю. Оператор долго думал, как сформулировать вопрос:

– Не употребляли ли вы, случайно, целлофан?

Но наконец решил спросить в лоб:

– Подскажите, как вы собирали биоматериал на анализ?

Гражданин К. не моргнув глазом принялся рассказывать, как собирал, как производил, что ел накануне.

– А в чем, собственно, вопрос?

Ему и рассказали, что нашли в анализах.

– Ну-у... – замялся пациент, – вообще-то... – Это не ваш биоматериал? – спросил оператор.

– Не мой, – признался К. – Анализы для собак такие дорогие, ну вы понимаете? Это материал от моего пса. А этот паразит как раз накануне в помойку забрался и, видимо, что-то сожрал.

– Понятно, – вздохнул оператор.

– Ну хоть гельминты в анализах не обнаружены? – с надеждой спросил К.

– Гельминты не обнаружены. Древесина обнаружена, – ответил оператор.

Одна предприимчивая дама умудрилась подсунуть вместо крови своего ребенка кровь любимого котика. Купила пробирку и принесла биоматериал на анализ. Заряжают лаборанты кровь в аппаратуру, а по результатам получается, что ребенок то ли мутант, то ли рептилоид с другой планеты. Короче, с такими анализами не живут.

Снова передают вопрос в спецотдел. Дама долго не признавалась, юлила, требовала с лаборатории результаты. Правду в конце концов узнали, и пришлось аппарат несколько раз промывать, а то умные японские мозги не могли в себя прийти.

А в сентябре приносят в лабораторию традиционные подарки – анализы кала детей разного возраста для устройства этих самых детей в детские дошкольные учреждения.

Стандартно смотрят на яйца аскарид, проверяют соскобы на энтеробиоз. Ну и прочие удовольствия лаборантской профессии.

Анализирует врач очередной биоматериал, а оттуда смотрят на него непонятные существа. Толстенькие такие, короткие, белесые. Врач удивился, не узнав гостей «в лицо». Полез сначала в справочники, потом в Гугл. Среди известных науке паразитов похожих не обнаружилось. Позвал врач более опытных коллег. Те также развели руками. Запахло научным открытием и Нобелевской премией. Ну это кроме того, чем постоянно пахнет в подобном отделении лаборатории.

«Гостей» промыли, выложили аккуратно на чашке Петри, сфотографировали. И даже мне фотографию прислали, похвастались.

Оживление длилось до тех пор, пока кто-то из врачей не догадался заглянуть в другие справочники. При помощи этих талмудов «гости» были-таки опознаны. Оказались они личинками сырной мухи. В условиях мегаполиса, промышленного изготовления продуктов питания случай крайне редкий, даже уникальный. Позвонили родителям пациентки, и те не стали скрывать, что лето та провела у любимой бабушки в деревне. А у бабушки – мелкий бизнес. Производит она из молока любимых коров сыр, сметану и другие полезные для организма продукты. Ими она и откормила за лето единственную внучку.

Сыр, безусловно, полезный продукт. Но с гигиеной в условиях домашнего изготовления все-таки не очень хорошо. Насекомые проникли на бабушкину кухню, отложили яйца в сыр, и этим сыром любящая бабушка накормила внучку. В кишечнике из яиц вылупились личинки. У пациентки, конечно, заболел живот, но родители списали все на изменение рациона после приезда из деревни.

Говорят, в Сардинии из сыра при помощи личинок сырной мухи готовят какое-то очень специфическое блюдо касу марцу. Наверное, вкусно. Но у нас ребенка пришлось лечить.

Ничего мы не понимаем в средиземноморской кухне.

Перевод

Коллега мой, Николай Владимирович, работает в одной из столичных больниц врачом-реаниматологом. С самого начала эпидемии ковида света белого не видит, скафандра не снимает, ест и спит урывками. Дети уверены, что папа стал космонавтом, бабушки у подъезда перешептываются, что доктора посадили, поэтому давно не показывается. Уже и доплаты не радуют, и заколебался он, но конца и края эпидемии не видно, поэтому работает.

Недавно привозят к нему в отделение очередного пациента. Пожилой гражданин в очень тяжелом состоянии. Анамнез не радует. К ковиду прилагается излишний вес, сердечно-сосудистые заболевания. Ковид развивается стремительно, дышит пациент через раз, сознание уже спутанное.

Положили в отделение, ввели в кому, подключили к ИВЛ, начали спасать. Работа рутинная, тут без эмоций и рассуждений.

А через час главному врачу позвонили и на ломаном русском языке сообщили, что вновь прибывший гражданин – сотрудник представительства ООН в нашей стране. И как у него дела вообще?

Главврач от такого сюрприза малость удивился, но пообещал таким серьезным людям ответить всю правду. А правда такая, что шансов у пациента мало и как раз велика вероятность, что сотрудник ООН в ближайшем будущем отправится в лучшие миры.

– Понятно, – на еще более ломаном языке говорит телефон. – Тогда подготовьте, пожалуйста, пациента к переводу. Сейчас из Брюсселя вылетит самолет, у которого на борту будет все необходимое оборудование. К вам приедет уполномоченный курьер со всеми необходимыми документами. Не затягивайте, пожалуйста.

Главврач положил телефон и ощутил всю нереальность происходящего. К нему в больницу за пациентом летел из Брюсселя самолет. И сейчас приедет представитель ООН с документами. Если бы ему сказали, что пациент – рептилоид и звездолет с Нибиру уже вылетел, он бы не так сильно удивился. Главврач подавил желание ущипнуть себя за руку и принялся раздавать распоряжения.

Николай Владимирович получил приказ готовить пациента к транспортировке. При заполнении всех необходимых документов столкнулся с непривычной проблемой. В графе «Пациент переведен в...» обычно писали название больницы или отделения, в которое переводили пациента. А сейчас что писать? Пациент переведен в аэропорт?

Кто-то из коллег пошутил:

– Пиши: «Переведен в Брюссельскую ЦРБ».

– Шутнички, – огрызнулся Николай. – Погодите, я знаю наш Минздрав. Мы еще с этим переводом наплачемся.

Для перевозки важного пациента прибыла машина. Николай спустился к крыльцу, принялся осматривать оборудование в машине. Переключение ковидного пациента с одного аппарата на второй – важнейший процесс. Дышать самостоятельно у пациента уже не получалось.

– Слушайте, а у вас нет другой машины? – наконец спросил реаниматолог. – Старье же стоит. Мы его сейчас отключим, ехать до аэропорта час, ну минут пятьдесят с мигалками. Он за это время на вашем пылесосе умрет.

Врачи скорой даже обиделись.

– Другие машины еще хуже. Скажите спасибо, что эта есть. В городе иногда машину по полдня ждут. А вам тут спецзаказ.

– Так не довезете пациента!

– Довезем. Не в первый раз. Грузите.

Николай Владимирович махнул рукой. В конце концов, что он мог поделывать.

Важного пациента молниеносно переключили от аппаратуры больницы к аппаратуре машины. Николай Владимирович с тревогой прислушивался к первым искусственным вздохам.

– Поехали!

На освободившееся место тут же поместили нового ковидного, и минут через пять Николай в суматохе забыл о важном пациенте.

В понедельник в больницу нагрязнула комиссия из Минздрава. Как вы думаете, кто писал кучу объяснительных, оправдывался и получал по шапке? Да, да, именно лечащий врач, завотделением реанимации и главный врач. Писали, оправдывались и снова писали.

Целый час. И все это в разгар работы.

Основная претензия чиновников: как вы могли такого важного пациента отдать какому-то Брюсселю? С нашим уровнем медицины мы должны были сами его спас ти. Опозорили страну. Должно быть стыдно, товарищи доктора!

Николаю стыдно не было. Была какая-то уверенность, что врачи городского поселка Брюссель в грязь лицом не ударят и пациента спасут. Ну или не спасут. Но тогда его смерть не испортит статистики отечественной больницы. А статистика в нашем деле – это самое главное.

Познание истины

Летом 2019 года, когда границы еще были открыты, а термин «коронавирус» был известен только специалистам-эпидемиологам и студентам медицинских вузов, в отделение моего коллеги, врача-нарколога одной из столичных клиник, попал интересный пациент.

В принципе, образ наркомана как опустившегося человека с безумным взглядом и в рваной одежде уже давно ушел в кинематограф и в жизни попадает не так уж часто. Наркоманы стали прилично выглядеть. Среди них много успешных, богатых бизнесменов, «золотой» молодежи, всевозможных «творческих» людей. Нет, встречаются и оборванцы с безумными глазами, но, если сравнивать, «благополучных» пациентов все больше.

Поэтому новый пациент клиники никого не удивил. Бизнесмен, владелец заводов-пароходов, хорошая машина, золотые часы известной марки. Синдром отмены, говоря языком улиц – «ломка». «Ломка» в легкой форме, пока еще ничего критичного, но пациент категорически отрицает употребление. Мол, никогда не курил, не колол и вообще к этой гадости не притрагивался.

Впрочем, и это врачей не удивило. Каждый второй попадающий в их отделение наркоман с дорожками на венах – агнец божий, попробовавший в первый раз. Особенно если где-то недалеко находятся строгие дяди в серой форме.

Бизнесмена пролечили, оказали фармацевтическую и психологическую помощь. В процессе этой самой психологической помощи пациент с врачом подружился, приобрел привычку захаживать к нему на кофе и принялся хвастаться.

– Я, – рассказывал он, развалившись на диване в ординаторской, – вообще устал от этой жизни.

Даже бросить все на фиг хотел. Бабки эти, бизнес, машина. Скучно, согласись!

– Угу, – кивнул врач, прикидывая, где бы ему взять такую кучу денег, чтоб стало скучно.

– И кризис на меня навалился. Депрессия. Ничего не помогало.

– Поэтому и принимать начал?

– Ну я же тебе говорил, – поморщился пациент. – Не прикасался я к этой дряни. Просто по-мужицки запил! Бухал дня три, а потом понял, что не мое это. Чуть не помер. Башка разламывается, с утра еще хуже, чем с вечера. Не получилось забухать.

– В следующий раз лучше забухай, – предложил нарколог. – Я больше по алкоголикам специализируюсь.

А от твоей дряни могли неизвестные последствия быть.

– Я в сотый раз тебе говорю – не наркоман я!

– А никто не говорит, что наркоман. Ну принял раздругой, с кем не бывает.

– Доктор, что ты колешь меня, как мент?

– Ну не буду, не буду. Рассказывай дальше.

– Депрессия, говорю, навалилась. А тут друзья подсказали, что живет в одной индийской деревушке гуру.

– Гуру? – встрепенулся врач. – Поподробнее.

– У него там целая деревня. Честное слово. Он там какой-то религиозный вождь и мудрец. Народ толпами не только с округи стекается, но и со всего мира приезжает.

– И ты поехал?

– И я. Поехал познавать истину.

– Познал?

– Вот ты смеешься, а я познал. Три месяца там жил. Условия, конечно, не пятизвездочный отель. Барак с соломенной крышей, спали толпой на полу. Кормили из мисок глиняных бурдой из риса и овощей. Сортир с какими-то жабами-пауками. Девки какие-то немецкие ходили, одну за это самое место какой-то скорпион ухватил. Визгу было! – Пациент улыбнулся от приятных воспоминаний.

– Антисанитария полная, – поддакнул врач.

– Зато в голове – пусто-пусто. И ходишь все время в отличном настроении. С утра встал, позавтракал, пошел в общий зал. А там гуру вещает. Йога там всякая, мантры поют. Ты не смейся, я сам раньше думал, что это чушь полнейшая. Но там все мои чакры открылись. Короче, отлично отдохнул. Летом опять поеду.

– А когда домой приехал, чакры закрылись?

Пациент помрачнел.

– Закрылись. И хреново так стало, что меня к тебе привезли.

– Мне все ясно, – кивнул врач. – А как деревня-то называлась?

– Да какой-то там Шрипур-Капур, – заюлил пациент, почуяв, что врач у него неспроста подробности выведывает. – Не помню я.

И убежал от доктора.

Пациента, конечно, вылечили и выпустили.

А примерно через месяц попадает в отделение почти такой же экземпляр. Тоже богатый бизнесмен, тоже от жизни устал. Тоже синдром отмены.

– Вы в индийскую деревню Шрипур-Капур не ездили? – на всякий случай поинтересовался врач. – К гуру, чакры чистить?

– Откуда вы знаете, доктор? – расплылся в улыбке пациент. – Тоже там бывали? Это Василий Сергеевич мне посоветовал. Он, кстати, и вас мне посоветовал, когда мне на родине плохо. А там, в Индии, – настоящий рай! Отличное место, не правда ли?

– Неправда, – вздохнул врач, предчувствуя, что это был не последний в его практике чистильщик чакр.

Как в воду смотрел. За последующий год в его отделение еще двое попали. А сколько в другие отделение города – доктор, конечно, не считал. И все как клоны.

Поехали, почистили чакры, приехали домой, и там им плохо.

Доктор сделал простой вывод. Для того, чтоб чакры быстрее чистились, сотрудники гуру подмешивают в пищу или напитки приезжающих какое-то наркотическое вещество. Причем не банальные, родные Индии, растительные экологически чистые продукты. А что-то из синтетической дряни, сродни «спайсам», которые наверняка в том регионе на полуправильном положе-

нии. Иначе не использовались бы так широко. А впрочем, кто их, этих индусов, знает, может, им травить белокожих чужаков за радость и поощряется полицией. Этакая месть за годы британского колониализма.

В подтверждение теории о синтетической дряни, наркотик не находился в крови пациентов. Не находился потому, что тесты рассчитаны на классику. И не успевает диагностика за гениальными криминальными химиками и последователями сериала «Во все тяжкие».

Доктор писал заявления в милицию, пытался както повлиять на канал из Шрипура-Капура. Но в милиции только руками разводили. Не в их компетенции. Международное дело.

Но тут наркологу «повезло». В Китае какой-то голодный товарищ откушал летучую мышь, через полгода по всему миру закрывали границы, и последователи гуру из индийской деревушки быстро сошли на нет. Как говорится: «Не было счастья, несчастье помогло».

Разница поколений

Живешь и думаешь, что тебе девятнадцать. Или максимум двадцать. Вокруг все что-то делают, возятся, женятся, детей растят. А тебе двадцать. И двухтысячный был только вчера. И Калкин такой молодой, и все у него еще впереди.

А потом смотришь в зеркало и внезапно осознаешь, что тебе, блин, сорок. Стоит рядом молодое поколение, вежливо улыбается в ответ на твои шутки. А шуток этих давно не понимает. И в один из вечеров, когда ты сидишь и шутишь среди приятелей твоих детей, это молодое поколение наконец прорывает:

– Папа, мы не в теме! Что ты вообще сейчас сказал?

И ты начинаешь долго и нудно, постоянно сбиваясь и отвлекаясь, рассказывать, кто такой Снусмумрик, почему настоящие герои всегда идут в обход и почему Штирлиц должен остаться. И шутка кажется не такой уж и смешной.

Тогда ты понимаешь, что они уже другие. И смеются над другими шутками. И они уже другое поколение. И тебе, блин, сорок лет! А то и пятьдесят. А двадцатилетний парень, который все эти годы сидел внутри тебя, давно куда-то свалил.

Мой приятель Андрей работает в околomedicalной сфере. Начинать с рядового работника, через пару лет стал маленьким начальником, потом руководителем отдела. И наконец пригласили его в одну очень серьезную корпорацию на должность директора.

Собеседования по скайпу, поездки в региональный офис, в Москву, разговор с каким-то немцем из центрального офиса. Наконец контракт, трудовая книжка и первый рабочий день.

Андрей в эйфории. Первая директорская должность. Звонит всем, хвастается. И мне звонит.

– Прикинь, у меня отдельный кабинет! Первый раз в жизни у меня отдельный кабинет!

– Поздравляю.

– И секретарь! Я прихожу, а мне представляют. Это, говорят, ваш секретарь, ее зовут Вера. Прикинь, у меня свой секретарь есть!

Андрей Николаевич смеется в трубку. А я его отлично понимаю. Это внутри него двадцатилетний Андруха офигевает от кабинета, секретарши, новой должности.

Еще не привык, еще радуется.

– Красивая секретарша? – спрашиваю я.

– Ага! – Андрей переходит на громкий шепот. – Длинноногая такая. Я сейчас выглянул, хотел кофе попросить. А она сидит, ноготь пилит. Ну настоящая секретарша! Я даже постеснялся ее от процесса отвлекать.

– Ты поосторожнее с ней. У тебя жена. И дети.

– Да ладно! – беспечно ухмыляется Андрей. – Ей лет двадцать пять, не меньше. Серьезная дама.

Андрей Николаевич, хочется сказать мне, тебе-то уже почти полтинник. Ты директор большой конторы. Ты сам уже серьезный товарищ.

А двадцатилетний Андрей смеется.

Проходит несколько дней, и встречаемся мы с ним на соревнованиях, куда привезли своих потомков. Пока дети с увлечением лупят друг друга, стоим в стороне, разговариваем. Андрей отчего-то грустен и задумчив.

– Ну как новая работа? – спрашиваю.

– А-а... – Андрей неопределенно машет рукой.

– Трудности?

– Да не в этом дело, – вздыхает. – Трудности я ожидал.

– Так чего кислый такой?

– Да почувствовал вчера себя старым идиотом.

– Ничего себе! Спину прихватило? В аптеке вместо презервативов валидол купил? Носки шерстяные по акции в «Гиппо» прихватил?

Андрей смотрит на меня с возмущением:

– Ну не до такой степени!

– Так в чем дело?

– Ты помнишь, я тебе про секретаршу рассказывал?

– А, длинноногая такая? С ногтями?

– Точно. Вера ее зовут. Верочка.

– А-а, «Верочка, вызовите...»

– Вот именно! – встрепенулся Андрей. – Вот ты сразу догадался! Было у меня вчера хорошее настроение, я решил пошутить. Звоню секретарю: «Верочка, вызовите мне самую светлую голову нашей с вами современности». Там молчание. Верочка переваривает. Наконец оживает: «Андрей Николаевич, не поняла, повторите. Кого вызвать?» А я торможу, шутку затягиваю, хотя надо было давно извиниться и прекратить все это.

«Верочка, позовите мне Новосельцева».

«Поняла», – рапортует секретарша и отключается. Я хотел было выйти, объяснить, посмеяться вместе с ней. Но тут, как назло, клиент крупный позвонил, отвлек. Пока я с ним разговаривал, Вера входит:

«Извините, Андрей Николаевич. Я Новосельцева долго искала. Не работает у нас такой. Может, на складе посмотреть? Это их новый сотрудник?».

«Простите, – говорю, – Верочка. Это я неудачно пошутил».

«Ну ладно», – длинноногая секретарша пожимает плечами. И в глазах ее читаю я, какой же я старый дурак.

«А вы такой фильм, “Служебный роман”, не смотрели? – с последней надеждой спрашиваю я.

«“Служебный роман”? Что-то знакомое, – задумывается Верочка. – А, точно. Не смотрела. Не люблю Зеленского». И уходит. А я остаюсь соображать, при чем тут Зеленский, Украина и почему Верочка его не любит.

– Догадался? – спрашиваю я.

– Погуглил, – мрачно кивает Андрей. – И понял, что мы с Верочкой разные поколения.

– Не будешь больше шутить?

– Хватит. Дошутился уже.

И тут подбегает его отпрыск.

– Папа, у меня бой только через пять пар! Пошли в буфет! Успеет чего-нибудь перекусить.

– Ты с нами? – спрашивает у меня Андрей.

– Не, я тут посижу. Отравлюсь еще в вашем буфете.

Андрей с потомком уходят. На прощание пацан поворачивается ко мне, сдвигает брови и говорит:

– А вас, Штирлиц, я попрошу остаться!

Андрей даже посветлел лицом. Где-то внутри него двадцатилетний Андрюха встрепнулся и решил, что не все еще потеряно. И это просто Верочка – дура!

А недавно я сам осознал, что отстал от времени и устарел слегка. И думаю немного иначе, чем современное поколение.

Племяннику моему исполнялось десять лет. Возраст солидный, серьезный. Абы что не подарить, надо к подарку подходить со всей серьезностью единственного дяди. Тут мне немного повезло. Как раз за месяц до своего дня рождения племянник увлекся сборными моделями кораблей, самолетов, танков. Что-то там постоянно резал, клеил, даже пытался красить. Завалил всю комнату полусобранными образцами, стол его напоминал безумный завод, где «самолет-этажерка» времен Первой мировой соседствовала с современным танком без гусениц и криво приклеенным стволом. Зато сам.

Вопроса с подарком не возникло. Юный техник как раз накануне посмотрел какой-то исторический фильм и грезил викингами, рогатыми шлемами и драконьими головами на носках кораблей. Прихожу я в детский магазин. А там как раз лежит нужная модель. Драккар викингов, который нужно склеить из сотни мелких деталей. Тишина в комнате племянника как минимум на неделю обеспечена.

Снял с полки последнюю коробку. Была она пыльная, слегка потрепанная, немного терялась на фоне могучих авианосцев, грозных подводных лодок и каравелл с белоснежными парусами. Ну ничего, главное же не обертка, а содержание.

Подхожу к кассе, чтоб выкупить в собственность корабль морских разбойников, а тут в магазин, чуть не сбивая меня с ног, забегают парнишка лет девяти-десяти. И сразу к полке с кораблями. Вытащил крейсер – не то! Потянулся за бригантиной. Тоже не то! Растерянно порыскал по полке и наконец подбежал к кассиру.

– Тетенька, тут модель драккара стояла. Где она?

Равнодушная, как все продавщицы, кассирша кивнула на мою коробку.

– Вот, купили уже. Опоздал ты. Последняя была.

И тут мне так вдруг стыдно стало и совестно перед этим пацаном. Вспомнил я, как в детстве, примерно в таком же возрасте, я целую неделю копил на понравившуюся модель гидросамолета. Откладывал со школьных обедов, с маминого разрешения реквизируя мелочь, сдачу из магазина. Собирал чуть ли не по копейке. А когда пришел в «Детский мир», оказалось, что вожделенный гидросамолет – вот только что купили. А когда завезут в следующий раз – ну кто его знает. На дворе девяностый год, мальчик. Тут страна разваливается, а ты про какие-то игрушки.

Я еще бегал по городу, искал в каких-то маленьких магазинчиках. Но увы. Если самолета не было в центральном «Детском мире», значит, его не было нигде.

Так и не сбылась моя мечта.

Поэтому стою я, растерянный, смотрю на этого пацана и готов ему вот прямо сейчас уступить корабль. Да что там уступить, вот возьму сейчас и подарю. Что мне стоит! Мелочь, а ему радость. Уже и рот раскрыл, чтоб отдать.

И тут этот мелкий Кулибин лезет в телефон, что-то там кликает и расплывается в улыбке.

– Ага! В интернет-магазине есть! Еще и дешевле, чем здесь! И доставка в течение дня!

И убегает, только дверь хлопнула.

Продавщица смотрит на меня с каким-то непонятным чувством разочарования. И кивает на коробку с кораблем.

– Брать будете? Или тоже... в Интернет?

– Буду, – отвечаю. – Раз уж присмотрел здесь, то и возьму здесь.

Я бы не взял. Коробка действительно была слегка помятая, а в Интернете явно нашлась бы новая, да и подешевле. Но было мне стыдно почему-то уже перед этой продавщицей. Стояла она в старом и пустом магазине. Она еще помнила, как в восьмидесятые в этом магазине было не протолкнуться от детей, которые радостно охотились за игрушками. А теперь едва ли пару раз в день зайдет какой-нибудь взрослый динозавр за подарком. Ну или случайно заскочит какой-нибудь покупатель. Все через Интернет.

А еще мне было почему-то стыдно своего непрошеного благородства. Был я смешон и жалок со своей щедростью. И совершенно не нужен этому радостному пацану с его телефоном.

Зато племянник подарку обрадовался. Собрал палубу, нос с хищным драконом, ряд весел. На мачте его энтузиазм утих, и корабль занял свое место среди безумной коллекции полусобранной техники.

Ну хоть два-три дня тихо было.

Смена ролей

Кто-то из именитых психологов (сейчас уже не вспомню кто) писал: если вы боитесь кого-то – учителя, директора, начальника, – то вам всего лишь стоит представить его не в роли этого самого начальника, а в роли, скажем, заботливого дедушки своих внуков. И страх пропадет потихоньку. Он еще приводил пример школьника, который до смерти боялся свою учительницу, а потом встретил ее в очереди в магазине. И увидел ее в роли обычной покупательницы, которая робеет перед грозной продавщицей, перед шумной хамоватой очередью. И перестал бояться.

В школе у меня была как раз такая учительница русского языка. Когда она заходила в класс, на учеников накатывала жуткая тоска. Сухие правила грамматики терзали юные умы почище инквизиторов. От Наташи Ростовской тошнило, Пушкин и Куприн вызывали стойкое отвращение, Маяковский пугал своими нескладными рваными ритмами.

Зоя Петровна вызывала во мне мрак и ужас. Я ненавидел русский язык и литературу всей душой. Среда и пятница были испорчены присутствием данных уроков в расписании. Наверное, поэтому я до сих пор пишу с ошибками.

Зоя Петровна входила в притихший класс, садилась за стол, брезгливо поджимала губы, обводя макушки учеников взглядом удава Каа. Огромная выпуклая родинка на ее щеке тоже гипнотизировала нас. Эта родинка нас всех ужасно раздражала. Она словно жила своей жизнью: подрагивала не в такт словам русицы, грозила нам какими-то страшными карами.

Учительница ме-е-едленно открывала журнал.

– Так, кто у нас давно не отвечал?

И даже отчаянный хулиган и троечник Вовка Королев при этих словах пытался слиться с партией.

Преподавала грозная учительница серо. Примерно минут через пять после начала урока ужас и тоска сменялись безудержной скукой. Мы зевали, глаза закрывались сами собой. И только карающий голос выхватывал нас из забытья.

– Шалаевский, к доске!

Игореха ползет получать свою законную двойку.

– Рязанова, к доске!

Надя мямлит что-то про ударения и вымучивает «трояк».

– Гушинец!

«Вот я попал! Вызывала же на прошлом уроке!»

Медленно переставляя ноги, плетусь к доске, к ее несмываемым меловым разводам и вечному запаху мокрой тряпки. Становлюсь на виду у всего класса, взгляды скрециваются на мне. Меня пытаются ударениями и суффиксами. От меня что-то хотят, но половины вопросов я не слышу.

– Совсем плохо, – вздыхает мой инквизитор. – С такими ответами у тебя будет тройка в четверти.

Стыдно, Гушинец.

И мне стыдно. Я плетусь на свое место под шушуканье девчонок. И страх перед тройкой в четверти смешивается в моей душе с облегчением. Сегодня меня больше не вызовут.

А в девятом классе мы узнали, что нелюбимая нами учительница уходит преподавать в университет. И нам дадут какого-то другого учителя. Какого? Класс оживился, встряхнулся, зашептал.

С учителями в те годы была какая-то невероятная проблема. Временами их просто не было. Наверное, из-за гигантских зарплат учителя бросали преподавание и уходили в какие-то мутные профессии. Нашего физрука СерСерыча, к примеру, можно было наблюдать на лестнице будущего супермаркета, а тогда универсального магазина «Двина». СерСерыч стоял среди таких же плечистых, короткостриженных парней в кожаных куртках и монотонно повторял:

– Доллары, марки, Россия.

Очевидно, это было интереснее, чем выдавать хулиганам из седьмого «Б» баскетбольные мячи.

Физруков у нас за два года сменилось пятеро. Военруков трое. Надолго задержался немного сумасшедший гражданин, который утверждал, что в Афганистане лично расстрелял трех генералов, уходил с его территории последним, короткими очередями прикрывая отступающие колонны, и требовал называть себя полковником.

В середине года полковник пришел на урок пьяный, принялся показывать на ком-то из старшеклассников приемы модного тогда кикбоксинга, промазал и случайно избил ученика.

Больше мы последнего героя Афганистана не видели.

Самая лучшая система образования давала сбой за сбоем. Полгода физику преподавал отличный дядька, который по вечерам вел кружок по волейболу. Волейболист из него был суперский, но вот физику я тоже до сих пор не знаю.

Математику тянула престарелая дама с кучей тараканов в голове. Однажды на перемене Гришка Епишин прилепил к стене присоску от игрушечного пистолета, да снять не успел. Математичка присоску заметила, устроила истерику, вызвала директора, сорвала полдня уроков.

Впрочем, про этот случай отдельный рассказ есть.

Представляете, какой ажиотаж царил в нашем классе, когда нам сказали, что у нас будет новый учитель русского? Мы гадали: что нам подкинет коварная судьба? Тренера по теннису? Сухую ровесницу Есенина? Грохочущее молниями неземное существо с планеты Шелезяка?

В начале сентября в наш класс впорхнула юная белокурая девушка и улыбнулась так, что у мужской части нашего озабоченного класса стало тесно в душе.

– Здравствуйте, ребята. Я ваш новый учитель русского языка и литературы Татьяна Ивановна.

И полтора десятка незрелых юношеских сердец упало к ее стройным ногам.

Русский язык расцвел совсем другими красками. Танечка преподавала легко, весело, с шутками и подколками. Нахальный Вовка попытался нагло подкатить к ней, но при всех получил ответ, что у него «женилка не выросла». Туповатого толстяка Димку Макеева назвали «пусечкой», и он за ночь перечитал половину творчества Роберта Рождественского. С учетом

того, что до прежде Макеев читал только «Каштанку», это был подвиг, который Танечка оценила.

На очередном уроке литературы она призвала нас углубиться в творчество какого-то писателя, который творил в начале двадцатого века. Что-то об этом писателе я уже слышал, но еще не читал. Зашел в библиотеку, взял книгу, дома открыл ее, с тоской предвкушая длинные разговоры о смысле жизни и очередные письма Татьяны Лариной.

Начиналось стандартно, по классике, с описания природы: «Однажды весною, в час небывало жаркого заката...»

Я перестал читать далеко за полночь оттого, что глаза отказывались оставаться открытыми. В книге было все. Мистика, ведьмы, обнаженка, расчлененка, вампиры. Как вы уже догадались, я читал Булгакова.

Именно Танечка сняла мой страх перед русским языком. И хотя первые попытки что-то написать я предпринял еще при царствовании Зои Петровны, идея стать писателем сформировалась именно при новой учительнице.

Я танцевал с Танечкой на выпускном. И робко держал ее за тонкую талию. И билось мое сердце совсем не в такт вальжной музыки. А моя девушка, с которой мы встречались на тот момент почти два месяца, смотрела на нашу пару с ревностью.

Потом было поступление, неудача и медицинское училище, в которое я пошел, чтоб собраться с силами перед новой атакой мединститута.

И вот на последнем курсе медучилища послали меня на практику в наш местный КВД. Показали несколько интересных случаев, научили отличать сифилис от гонореи, а рубромикоз от лишаев. И чтоб отвязаться от зеленого практиканта, посадили заполнять бумажки.

Сижу, фамилии пациентов переписываю из клочков бумажных в толстенный журнал. И вдруг слышу знакомый голос.

– Здравствуйте.

Поднимаю голову и замираю. Стоит напротив меня Зоя Петровна и смотрит на меня удивленным взглядом.

– Гушинец?

– З-з-здравствуйте.

Учительница бывшая моя тоже смутилась. Я все-таки в халате белом, сижу с важным видом, бумажки какие-то перекладываю. Прием у меня.

– А я вот, решила с родинкой что-то сделать, – начинает объяснять мне Зоя Петровна.

И вид у нее какой-то чуть ли не испуганный. Смотрю и не понимаю.

– Родинка растет, – повторяет учительница. – Мне сказали, опасно это.

И говорит, говорит, словно оправдывается. И тут до меня начинает медленно доходить. Сижу-то я на приеме в КВД. А в те годы, да и сейчас, наверное, КВД было местом позорным. Ходили сюда исключительно «проститутки и наркоманы», да еще дети, которых угораздило подцепить постыдную лишайную болезнь. В глазах обывателей посетитель КВД был человеком падшим. А тут учительница, да перед бывшим учеником.

И вот, когда я это понял, образ страшной и ужасной повелительницы русского языка рассыпался. Стояла передо мной пожилая растерянная Пациентка. Стыдящаяся своего присутствия в позорных стенах. И разговаривающая со мной немного заискивающим тоном.

– Сейчас все устроим, – весело сказал я.

И побежал бывшую грозу 7-го «Б» без очереди к дерматологу устраивать.

Это просто праздник какой-то

Обычно студенты медицинского университета, которые приезжают в нашу страну из других государств, живут и учатся отдельно, на факультете иностранных студентов. Но нередко

бывает так, что ребята и девушки из стран бывшего Союза вливаются в группы местных жителей. И учатся часто более успешно, чем их «иностранные» соотечественники.

На моем потоке училась Ленка-Эстонка. Высокая, симпатичная девушка, которая после окончания вуза укатила лечить в свой родной Таллин. Сестры Катя и Настя прилетели откуда-то с Урала и сейчас возглавляют педиатрические отделения в российской глубинке.

А в группе моего приятеля Юры учился Ренат. Ренат приехал из страны, где большую часть года тепло, на деревьях кроме скучных яблок растут персики и хурма, а бахчевых так много, что арбузы воруют исключительно из спортивного интереса.

Ренат мечтал торговать этими арбузами, но строгий отец сказал ему:

– Надо. В семье должен быть доктор.

А с отцами в стране Рената не спорят. Ибо не принято. Сел Ренат за учебники, со слезами на глазах выучил химию и биологию и поступил в Минск. На Минске настоял тоже отец. В краснознаменные советские времена он служил в армии где-то в районе белорусской столицы, и воспоминания о Беларуси у него остались только положительные.

Учился Ренат так себе. Если бы не помощь однокурсников, пришлось бы его папе гораздо больше денег за экзамены платить. А так – тянул ляжку, сдавал на тройки, но вылетать – не вылетал.

И доучился бы Ренат без приключений, если бы не друзья с факультета иностранных студентов. Как рассказывал Юра, в личном общении Ренат был мировым парнем. Воспитанный, вежливый, спокойный. Но когда в гости, в общежитие, приходили его соотечественники, преображался, как по волшебству.

Потом ему было стыдно перед Юрой, он извинялся:

– Я не могу по-другому. Меня братья не поймут.

Но рассказ пойдет не об этом.

В очередной раз компания детей Азии свалилась в комнату Рената, и кто-то торжественно объявил:

– Эй, а ты знаешь, какой скоро праздник?

– Курбан-байрам, – пожал плечами Ренат.

Был он человеком глубоко светским, да и друзья его тоже были далеки от религии, но Курбан-байрам для них – это как для православных атеистов католическая Пасха. Фиг его знает, что это такое, но отметить надо.

Особенно в чужой стране, среди неверных.

Стали решать, как будут отмечать. С интернетом тогда было не очень, поэтому собрали консилиум и принялись вспоминать. Кто-то ездил в деревню (точнее, в аул) к бабушкам-дедушкам, там видел, как это происходит. Кто-то помнил, что показывали по телевизору. Помог учебник по религиоведению, одолженный в университетской библиотеке.

Более-менее определились с регламентом и тут поняли, что для полного погружения в праздник им нужен баран. То есть барана в процессе этого самого праздника нужно будет зарезать. Потому что это отражает саму суть традиции жертвоприношения.

Где в белорусской столице достать барана? В магазинах, конечно, бараны продаются, но в виде полуфабрикатов. То есть продаваемого барана уже кто-то откурбанбайрамил, разделал и даже местами в фарш перекрутил. Значит, для традиции магазинный баран не годится. Воровать барана в зоопарке тоже не комильфо, ибо можно получить трындюлей от сторожа. Нашли какие-то объявления, созвонились с фермером из загородного хозяйства, договорились о покупке барана.

Надо ехать забирать барана. А на чем?

Родители будущих джигитов люди умные, опытные. Отлично понимали, что дай молодежи волю, а точнее права и авто, то молодежь эта мигом из страны вылетит. Потому как в Беларуси несколько серьезных залетов у «ДАИ» – и здравствуй, депортация. Поэтому юные

джигиты ездили исключительно на общественном транспорте. А в общественный транспорт с бараном не пускают. Но нет преград пытливым умам. Один из них вспомнил, что имеется у него приятель, у которого не столь осторожные родители. Сумел тот приятель провезти через границу права, а уже тут сэкономил на обедах и купил потрепанный, битый, но бодрый жигуль.

Позвонили приятелю, пригласили на праздник. Тот согласился, мигом примчался на своем пепелаце. Загрузились впятером, поехали за город, на ферму.

Фермер попался дядька опытный, спокойный. Поэтому, когда к нему во двор зарулили на ржавом, гремящем «кадиллаке» пятеро молодых абреков, даже бровью не повел. Помог поймать самого красивого барана и уложить его в багажник.

Едут. Баран в багажнике орет. Идея отметить национальный религиозный праздник уже не кажется такой отличной, но джигиты друг перед другом хорохорятся. Стыдно им уступать первыми. Поэтому выдавливают улыбки и рассуждают, какой отличный баран им попался. Особенно радуется хозяин машины, которому этот самый баран уже весь багажник копытами разнес.

У самой кольцевой по закону неожиданности тормозит их даишник. Заглядывает в салон и видит классическую картину. Пятеро серьезных восточных парней на ржавом жигуле. А тут еще баран, почуяв представителя власти и, возможно, близкое по духу существо, забился в багажнике с удвоенной силой.

Даишник каменеет лицом, отскакивает от машины, нашаривает табельное оружие:

– Открывайте багажник!

– Может, не надо? – с надеждой спрашивает Ренат. – Он же убежит.

– Открывайте! – На крик напарника из патрульной машины прибегает еще один представитель власти. И тоже хватается за оружие.

Открыли. Баран, не будь дурак, выскочил и помчался вдоль дороги. Джигиты выскочили следом. Даишники заржали, но табельное оружие спрятали, и даже помогли начинающим аксакалам поймать барана.

Все шутили:

– Будешь делать шашлык из этот невеста, не забудь меня пригласить.

Непонятно шутили. Ренат потом спрашивал, что за невеста? Они же барана везли.

Привезли жертву в общагу. И тут новая напасть. Надо барана резать. Но где? Не в комнате же общежития. Владелец машины уже матерится на всех известных языках, ибо баран своими физиологическими жидкостями весь багажник испортил. И запах...

– Забирайте, – орет, – свою скотину!

Вытащили барана, привязали где-то за общагой, на парковке. А сами пошли за ножом, в комнату Рената.

– Режь, – говорят Ренату друзья.

А он боится. Ни разу до этого он никого не резал. Даже лягушку. А тут целого барана.

– Не могу, – отвечает. – Я боюсь. Давайте вы.

– Ты же врач! – искренно возмущаются друзья, которые сами боятся еще больше. – Кроме того, это же твой нож. Твой нож, ты и режь!

Ренат первый и последний раз видел, как барана режут, когда в пятилетнем возрасте к дедушке ездил. Закрыв глаза и ткнул куда-то ножом. Баран заорал, заругался матом и отпрыгнул.

– Ты зачем Азамата чуть не убил?! – закричали друзья. – Он тебе помогал, барана держал, а ты!

Ренат, будущее светило азиатской хирургии, прицелился получше и снова пырнул. Баран опять заорал.

На заднее крыльцо выскочила вахтерша общежития:

– Что ж вы, ироды, делаете?! Я сейчас милицию вызову!

– У нас праздник, почтенная, – вежливо отвечают джигиты. – Нам надо этого барана зарезать!

– Дикари! – кричит бабушка-вахтерша.

И убегает за милицией.

Пока милиция ехала, барана кое-как завалили. Место убиения напоминало декорации к фильму «Техасская резня бензопилой»: повсюду кровища, фрагменты тела. Менты слегка обалдели – на газоне, на асфальте следы преступления. Мохнатое тело и пятеро окровавленных преступников. Повязали их всех за нарушение общественного порядка, барана забрали в качестве вещественного доказательства.

На этом Курбан-байрам закончился.

Исключать Рената из медицинского не стали. Декан вызвал его на ковер, пообещал в случае повторения инцидента выслать домой, к папе. Ректор издал приказ:

«Студентам и абитуриентам медицинского вуза запрещается участие в религиозных и ритуальных действиях, связанных с животными и т.д. и т.п.»

Через год друзья снова приехали к Ренату.

– Брат, завтра Курбан-байрам! Будем отмечать?

– Идите вы на хрен, – грустно ответил Ренат.

– Ты что? Это же традиция!

– Не буду я опять барана резать!

И тут Юра, тихо играющий в углу в комп, подает идею:

– А вам обязательно барана? Может, утку?

Джигиты-атеисты, решившие снова отметить религиозный праздник, переглянулись. И, не сговариваясь, кивнули.

– Пусть будет утка.

Юра поехал в деревню, к своей бабушке. Поймал утку, посадил в коробку. Едет в маршрутке. Утка орет.

Чувствует близкий конец.

А в общежитии, прямо в душевой, Ренат утку отправил к праотцам. Ибо после барана ему уже не было страшно.

Отметили Курбан-байрам хорошо. Два раза за водкой в магазин бегали.

Эпидемия

Мой преподаватель с кафедры эпидемиологии на одном из первых занятий сказал:

– Коллеги. Врач лечебного профиля, каким бы хорошим специалистом он ни был, к пенсии обзаводится небольшим личным кладбищем. Врач-эпидемиолог, при должном старании, может быстро и качественно похоронить целый город.

Мы, юные студенты-медики, тогда посмеялись над словами умудренного опытом профессора, да и забыли. Ну какие эпидемии, какие города! Двадцать первый век на дворе. Время вакцин, антибиотиков, лабораторной диагностики и ПЦР. Локально вспыхивают какие-нибудь холеры-Эболы, но это где-то далеко, в Африке-Азии. Туда, в очаг инфекции, немедленно бросаются специалисты, и дело заканчивается единичными жертвами среди местного населения.

Поэтому можно инфекционные заболевания отнести к пережиткам прошлого, а всерьез заняться онкологией, ИБС и прочими, более актуальными темами.

Как же мы тогда ошибались.

Пандемия коронавируса напомнила человечеству о том, что инфекции не сдали своих позиций. Эпидемиолог снова стал популярной и востребованной медицинской профессией и сдул пыль со своих дипломов. Врачи бросились проводить противоэпидемические меропр-

ятия, возводить преграды на пути распространения вируса. И статистика, статистика, статистика...

А горячо любимые пациенты не спешат нам помогать. Они не верят в пользу вакцин, участвуют в массовых мероприятиях, отказываются носить маски. Выстраивают теории заговора. Мало того что наносят вред своему здоровью, так еще устраивают казусы окружающим.

На днях встречался я со своим коллегой Сергеем Дмитриевичем, врачом-эпидемиологом из большого районного центра. И поведал он мне обычную для нынешнего сезона историю.

Неподалеку от райцентра располагается деревня Константиновка, попадающая в зону ответственности Сергея Дмитриевича. Деревня, по нынешним временам, обычная. Полсотни бывших колхозников пенсионного возраста, несколько семей помоложе, десяток разнокалиберных детей. Клуб с провалившейся крышей, сельпо, не соблюдающее товарное соседство. На лето деревня прирастает дачниками и внуками, на зиму снова пустеет.

И живет в Константиновке предприимчивая бабка Валя. Держит бабка корову, поросят, кур. Сама делает сыр, сметану. Каждую субботу, нагрузившись сумками и ведрами, катается старушка на рынок райцентра, становится с краю, чтоб не попадать под грозных проверяющих, и пополняет свою пенсию. За годы бизнеса появились у бабы Вали постоянные покупатели, в течение часа сметают домашние молочные продукты и яйца. После чего старушка садится на обратный автобус и, довольная, едет обратно в Константиновку. В деревне бабка считается местным Ротшильдом. У нее всегда можно перехватить до пенсии и, естественно, достать бутылку-другую самогона.

Внимание Сергея Дмитриевича баба Валя уже привлекала. Пару лет назад устроила она ему в райцентре небольшую эпидемию стафилококкового отравления, но тогда от ответственности ушла, прикинулась «бедной, несчастной старушкой», которую жестокие врачи попытались лишить последнего источника пропитания. Запомнилась доктору громким пронзительным голосом и выдающимися актерскими способностями.

Первая волна коронавируса Константиновку зацепила слабо. Внуки не приехали к бабушкам на зимние каникулы, сельпо закупило маски, старички заперлись в домах, отгородившись от азиатской пакости бидонами с самогоном. Выстояли.

А к лету 2021 года расслабились. И «нулевым пациентом» на этот раз выступила баба Валя.

В очередной раз приехав на рынок райцентра, пообщалась она с покупателями, а через несколько дней почувствовала легкое недомогание. Позвонила фельдшернице на ФАП, а та, запуганная эпидемиологами, потащила бабу Валю на обследование. Коронавирус определили, заболевание протекало в легкой форме. Кроме того, больница была переполнена, а баба Валя истошно вопила о том, что дома у нее гибнут голодной смертью коровы и куры. В таких случаях пациента не госпитализируют, а отправляют домой сидеть в карантине. Бабу Валю отвезли, оставили рекомендации, запугали последствиями, понадеялись на адекватность пациентки.

Зря понадеялись.

Через некоторое время райвоенкомат призвал едва ли не единственного в селе молодого парня. Константиновка не могла пропустить столь важный повод и устроила шумные деревенские проводы, плавно перетекающие в массовые мероприятия с песнями и танцами.

Будущий солдат приходился бабе Вале троюродным внучатым племянником по материнской линии, а значит, ближайшим родственником. Пропустить проводы столь близкого человека она не смогла. Пришла на праздник, пела, пила, танцевала, лобызала соседок и новоявленного защитника Родины.

А через неделю из Константиновки в больницу райцентра стали поступать первые пациенты. Население деревни, напомним, состояло в основном из людей пожилого возраста, поэтому многие из поступивших переносили заболевание в тяжелой форме. Заняли свои места в РАО,

в инфекционном отделении. Сергей Дмитриевич с помощниками бросился в деревню, становиться преградой на пути распространения эпидемии.

Из Вооруженных Сил пришла информация, что призывник тоже попал в госпиталь и чувствует себя не слишком хорошо. Местные врачи в погонах проклинали Константиновку, коллег из райцентра и особенно Сергея Дмитриевича. Баба Валя хлопала глазами, божилась, что из дома не выходила, и прикидывалась валенком.

– И вот приезжаю я туда на прошлой неделе, – рассказывает мне Сергей Дмитриевич. – А там – как в четырнадцатом веке, в разгар «Черной смерти». Большая часть домов стоит пустая – жители в больнице. Ревут не доенные коровы, воют голодные собаки, квохчут запертые куры. Оставшиеся на ногах жители с выпученными глазами бегают между оставленных домов, стараясь управиться с огромным количеством брошенных животных. Вчера у тебя была одна корова, а сегодня надо ухаживать за тремя соседскими. О сохранности продуктов речь не идет – молоко тут же выплескивают на землю. Все друг от друга шарахаются, все в панике. Слухи ходят страшные. По этим слухам, уже вся деревня вымерла, хотя реальных покойников едва ли двое. И в центре этого хаоса бабка Валя. Прикидывается валенком и собирается на выходных ехать в райцентр, сыр продавать.

И вот как с такими пациентами работать?

ОФИСНЫЕ ИСТОРИИ

Казусы отечественного коучинга

В прошлом году в разгар пандемии руководство околемединской компании, в которой я работал, приняло решение посадить сотрудников на удаленку. Мол, в лаборатории больниц и поликлиник вас пускать перестали, толку прорываться через баррикады и портить отношения с начальством в белых халатах. Посидите пару недель дома.

А чтоб сидеть было не скучно, придумали позвать крутого коучера. Настроили ПО для удаленного доступа, расписали достоинства нового тренинга.

Собрались. Сидим все такие уютные. В халатах домашних, кофе попиваем, соскучились по общению, обсуждаем дела, пока коучер не нарисовался. Идиллия. Один менеджер только в рубашке-галстуке. Но по закону подлости что-то у этого менеджера упало, он приподнялся, повалил планшет, и все увидели, что ниже пояса у него по классике семейные трусы. Взрослые, кажется, люди, а ржали, как детский сад при слове «пиписька».

Наконец появился коучер. Во вступительном слове он часа два рассказывал, какой он крутой, какие компании тренировал, в каких бизнес-школах учился. Так и сыпал названиями типа «Нефтеуправ», «Газлидер» и «Вторчерметпоставка». Через час я устал улыбаться и кивать, перелег с ноутбуком на диван и начал бороться с желанием задремать.

Еще минут через сорок начался, собственно, тренинг. И тут я приуныл. В отделе, конечно, было пару новичков, которым этот тренинг был интересен, но в основном опытные сотрудники такие тренинги уже раза три проходили. Ну ладно, может, у коучера какие-то фишки свои? Опытный же и крутой, в бизнес-школах учился.

Нет, чешет по скучному до зубной боли шаблону. Еще и в специфику работы обучаемых не погрузился. Рассуждает про какие-то краски-стройки, лаки-кирпичи, а у нас, между прочим, медицинское направление, тонкие материи, кровь, моча и спинномозговая жидкость.

Полдня рассказывал. Я про себя подсчитывал, сколько компания заплатила этому коучеру, и мне все больше становилось грустно. Я бы такой тренинг для отдела провел за половину суммы, еще и адаптировал бы под наши реалии. Но куда нам, мы же бизнес-школ не заканчивали, бахилами щи хлебаем.

Народ честно вовлекается в процесс. Новички внимают, кивают, а вот старички местами сопротивляются. Другие коучеры их иначе учили, вот они и пытаются свои прежние знания применить. Коучер сердится, что ему возражают, но сильно виду не подает. Обрабатывает возражения.

Отмучились полдня, объявили обеденный перерыв. Все камеры отключили, пошли за котлетами и макаронками. И тут коучеру кто-то позвонил. А он по рассеянности забыл микрофон отключить. А мы молчим, чего мешать человеку.

– Да? – говорит коучер. – Привет. Работаю. Позвали тут в какую-то медицинскую шарашку.

У меня котлета недоеденная изо рта выпала. Нормально он так про нашу «ведущую компанию, лидера рынка».

– Да терпимо, – продолжил коучер. – Парочка молодых ничего такие, с мозгами. Но старые совсем тупорезы. Название? Да хрен его знает! «Мед...» какой-то.

И тут телефон звонит у меня. Самый старый и опытный сотрудник, на котором тридцать процентов плана висит. По словам коучера – «главный тупорез».

– Ты это слышал?

– Это все слышали, – мрачно отвечаю я.

– Предлагаю послать этого красавца на хрен и отключиться. Я, блин, пять лет в конторе! Мне такое терпеть!

Смотрю – остальные сотрудники тоже наперебой звонят. Точно ВСЕ слышали.

Еле погасил возмущение. Предложил дослушать «гуру» до конца дня, а потом разбираться. Коучер после обеда включился и снова начал вещать, какой он замечательный.

Народ безмолвствовал. Даже новички объявили коучеру бойкот. Коучер извелся весь, даже обижаться начал.

Начальству я кляuzu, конечно, написал. Мол, коучер ведет себя некорректно, допускает высказывания в адрес сотрудников и так далее.

Мне ответили, что деньги «ужо уплочены», поэтому сидите и слушайте.

В финале коучер явился в офис для того, чтобы вручить сотрудникам дипломы о прохождении его суперсовременных курсов. Мы с директором сидели в кабинете, а у директора на лацкане пиджака был прикреплен значок с логотипом компании. Он когда-то таких значков заказал сотни две, вручал их при вступлении в должность каждому новому сотруднику. Но ношение значков как-то не прижилось.

Прибыл коучер. Довольный и улыбающийся, рассказывал, какое чудесное обучение он провел. И тут решил подмазаться к директору.

– А что это у вас за значок? Интересный такой, необычный.

Директор слегка в лице поменялся.

– Это логотип компании, в которой вы неделю проводили обучение, – ледяным тоном сказал он.

Вы думаете, коучер растерялся? Увы, такие люди не теряются.

Но больше его не звали.

Мы ценим каждого работника

Несколько лет назад попал я на работу в одну из ведущих фармацевтических компаний. Называть компанию не буду, но входит она в пятерку мировых лидеров и постоянно ее мотает между пятым и шестым местом.

Попал я туда почти случайно, из сомнительной турецкой конторы, и местом своей работы поначалу почти гордился. Еще бы – препараты у всех на слуху, зарплата одна из лучших в данной отрасли, служебная машина. Приходишь в аптеку и даже как-то торжественно сообщаясь, откуда ты. И немного презрительно поглядываешь на всяких «словаков», «украинцев» и даже «французов».

Отработал больше года, и тут в Беларуси случился очередной кризис. Перед обменниками выстроились огромные очереди, народ потащил домой телевизоры и стиральные машины. Заволновались и мы.

Директор собрал всех на общее совещание:

– Ну что вы паникуете?! Наша корпорация – мировой лидер. Что нам небольшой спад в экономике данного региона – тьфу! Работайте спокойно.

Пошли работать спокойно. Зарплату получаем в американской валюте, что весьма неплохо. Вокруг офиса, как в девяностые, крутятся какие-то подозрительные типы. Пытаются купить у нас зарплатную валюту по своему дикому курсу. Нелегальные махинации с евро и долларами преследуются по закону, поэтому типы переходят на какой-то тайный язык. Караулят у служебной машины и заискивающе шепчут в ухо:

– Фантики есть?

– Какие фантики? – удивляемся мы.

– Ну бумажки, – как тупым, объясняют махинаторы. – Зеленые. Мы бы купили.

Директор снова собирает всех на общее собрание и категорически запрещает нелегальные сделки.

– У нас в штате, конечно, есть юрист, – грозит начальство. – Но вытаскивать вас из тюрьмы не входит в его профессиональные обязанности.

У всех семьи, кредиты, планы на жизнь. Сидеть никому не хочется. Поэтому посылаем мутных типов подальше.

А народ волнуется. Валюты в стране нет. У кого-то обламывается отпуск, кому-то надо срочно за границу за новой партией товара. В интернете – сплошь истории, как больному ребенку нужна валюта на операцию, а взять эту самую валюту нигде. Нам стыдно. Мы на острове стабильности.

Начальство каждый день напоминает, что у нас все хорошо, и в подтверждение своих слов даже нанимает нового регионального менеджера – смотрящего над медицинскими представителями. Приходит сердитая девушка, начинает показывать, кто тут главный, строит нас почем зря.

В стране все хуже. Мы опять волнуемся. Из заморского из леса, а точнее из головного офиса, прибывает для наведения порядка «Мишка Воронов», а в жизни – супер-пупер директор региона Майкл Кроу.

Зовут нас на общее собрание. Майкл – худой длинный англичанин в костюме с иголочки. На породистом, почти лошадином лице – сплошное спокойствие и стабильность. Прямо не директор, а гарант Конституции. Даже говорит как-то успокаивающе, уверенно. Вот только руки мне его не понравились. Пальцы какие-то инопланетные, длинные – кажется, что сейчас начнут гнуться в обе стороны. Он их еще домиком сложил и шевелит в такт словам. Жутко немного от этого зрелища. Рептилоид какой-то.

Но говорит неплохо:

– Уважаемые сотрудники, мы там, далеко, в главном офисе, в курсе нестабильной обстановки в вашей стране. Но вам очень повезло! Вы работаете в мировой корпорации. Даже если ваш регион перестанет приносить запланированную прибыль, то мы вас не оставим. Поддержим. Наша корпорация – это вовсе не акула капитализма. Мы все-таки работаем в сфере здравоохранения, спасаем людей. Неужели мы не поддержим в трудный момент своих собственных работников?! Вы все для нас очень ценные и незаменимые.

Мы сохраним каждого сотрудника. Каждого!

И в подтверждение своих слов Майкл поднял к десятому этажу свой длинный инопланетный палец.

И вот когда он это сказал, я сразу понял, что нам трюндец. Но коллеги восприняли духом. Еще бы, сам Майкл Кроу пообещал.

– Вот видишь, а ты паниковал! – хлопает меня по плечу Сева, мой сосед по региону.

– Да я не паниковал, – пожимаю плечами. – Это у тебя кредит на квартиру. А у меня всего-то жена в декрете. Если что – мы в метро сядем, на картонке нацарапаем: «Подайте жертвам кризиса». Народ у нас жалостливый, не пропадем.

Сева почему-то не смеется.

Ну сказал Майкл Кроу, что мы островок стабильности, значит, так оно и есть. Нет же причины не верить самому главному директору. Надо работать. А там, глядишь, и кризис кончится.

Наутро выезжаю по привычному маршруту. Одна аптека, вторая, третья. Кофе. Наш препарат самый препаратистый. Ключевое сообщение. Никуда я без очереди не лезу, я тут уже полчаса стою. Не мешайте работать, дайте мне три минуты, и я уйду.

Примерно часов в двенадцать звонят из офиса:

– Загляни, дело есть.

Блин, весь маршрут менять! Горит у них там, что ли?

Приезжаю.

В офисе тревожная тишина. Пахнет какими-то лекарствами и испугом. Из дальней комнаты слышны всхлипывания.

– К директору.

Можно и к директору, хотя я уже, в принципе, понял, что вы от меня хотите.

Директор сидит нахмуренный, в углу сплетает пальцы Майкл Кроу.

– Понимаешь... – говорят.

– Да понимаю, – хмыкнул я. – Вы должны сохранить каждого сотрудника. Каждого!

И пальцем в потолок тычу.

– Это все верно, – кивает директор. – Но в сложившихся обстоятельствах. Положи партбилет (в смысле, ключи от служебного автомобиля) на стол.

– А если не положу?

– У нас есть два варианта, – вздыхает директор. – Или мы тебе сейчас даем зарплату за три месяца, и ты сегодня увольняешься, или работаешь эти самые три месяца, получаешь зарплату, а в конце мы тебя все равно увольняем.

Я поражаюсь щедрости директора. В принципе, я был готов к долгой и кровавой битве за каждую копейку, а тут такой сюрприз. Говорю:

– Давайте деньги сразу и разойдемся по-хорошему.

Директор вздыхает с облегчением.

– Иди к бухгалтеру, через пару часов все будет на карточке.

И руку мне пожал даже с какой-то искренней благодарностью. Он в принципе, неплохой мужик был.

Выхожу из кабинета.

В углу рыдает новоявленный региональный менеджер: – За что?! Я же только устроилась! Я же всё делала!

И так она кричит это «всё», что я поневоле заподозрил неладное.

В другом углу причитает замдиректора. Еще вчера она ходила по офису королевой, всем рассказывала, что они неправильно работают, а вот она бы... И ее не сохранили как незаменимого работника.

Я уже почти убежал в бухгалтерию, как замдиректора ловит меня за рукав, чуть ли не силой сажает перед собой.

– Ты же понимаешь, ничего личного. Это бизнес.

Мы все в трудной ситуации.

И говорит, и говорит. Да все через слезы-сопли.

Киваю, потихоньку, вместе со стулом, передвигаясь к выходу. Я-то понимаю, что это не мне она говорит, это она себя успокаивает. Мне-то что, в интернете вакансий медпредов полсотни, а вот замдиректор – продукт штучный. Где еще так устроишься.

Сбежал. Приехал домой на автобусе, выспался и сел за компьютер работу искать. Через неделю работал в другой конторе. Зарплата была немного поменьше, в тройку лидеров контора не лезла, а болталась в десятке.

На полученные деньги открыл ларек на рынке. В разгар кризиса. Придурок.

А еще через два месяца мне позвонил новый замдиректора из только что покинутой корпорации.

– Паша, ты на нас не сильно обиделся?

– Чего тут обижаться? Денег дали, руку пожали, все было вежливо и красиво.

– Ты уже устроился?

– Да, но пока испытательный срок. А что?

– Да Майкл уехал, все стихло, и нам дали добро на набор сотрудников на другую линейку препаратов. Пойдешь?

– Деньги обратно не отдам! – заявил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.